

18 1961

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

ЖАШКОВ

КИЕВ

10.000 КИЛОМЕТРОВ ПО ПРОСТОРАМ РОДИНЫ

ИЗ БОРТОВОГО ЖУРНАЛА ПЕРЕЛЕТА

НАША „ПЧЕЛКА“

СКОРО, СОВСЕМ СКОРО ОТКРОЕТСЯ В МОСКВЕ XXII СЪЕЗД КОМУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, КОТОРЫЙ УТВЕРДИТ ПРОГРАММУ КПСС — ПРОГРАММУ ПОСТРОЕНИЯ КОМУНИЗМА В НАШЕЙ СТРАНЕ. ЭТОМУ ВЫДАЮЩЕМУСЯ СОБЫТИЮ В ИСТОРИИ ПОСВЯЩЕНЫ СЕРЧАС ВСЕ ДЕЛА И ДУМЫ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ, ГДЕ БЫ ОНИ НИ ЖИЛИ, ГДЕ БЫ НИ ТРУДИЛИСЬ, ОТСЮДУ В СТОЛИЦУ ЛЕТАТ РАДОСТНЫЕ ВЕСТИ О НОВЫХ ТРУДОВЫХ ПОБЕДАХ, О ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ СВЕРШЕНИЯХ И ДЕРЗОВЕННЫХ ЗАМЫСЛАХ, КОТОРЫМИ ВСТРЕЧАЮТ ТРУДЯЩИЕСЯ НАШЕЙ СТРАНЫ, НАША МОЛОДЕЖЬ СЪЕЗД РОДНОЙ И ЛЮБИМОЙ ПАРТИИ.

ВЕКАМИ МЕЧАЛИ ЛЮДИ О САМОМ СПРАВЕДЛИВОМ, САМОМ ПРЕКРАСНОМ ОБЩЕСТВЕ НА ЗЕМЛЕ. ЗА НЕГО БОРОЛИСЬ И УМИРАЛИ ЛУЧШИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. И ВОТ ТЕПЕРЬ КОМУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА НА ВСЬ МИР ТОРЖЕСТВЕННО ПРОВОЗГЛАШАЕТ: «НЫНШЕШНЕЕ ПОКОЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ БУДЕТ ЖИТЬ ПРИ КОМУНИЗМЕ!»

КАКИЕ ДУМЫ И ЧУВСТВА ВОЛНЮЮТ В ЭТИ ПРЕДСЪЕЗДОВСКИЕ ДНИ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК, ЖИВУЩИХ И РАБОТАЮЩИХ В РАЗНЫХ УГОЛКАХ СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛИ, КАК ВЫГЛЯДИТ НАША СТРАНА В КАНУН ЭТОГО ЗНАМЕЧАТЕЛЬНОГО СОБЫТИЯ, КАКИМИ ЛИЧНЫМИ ПОДАРКАМИ ВСТРЕЧАЕТ МОЛОДЕЖЬ XXII СЪЕЗД КПСС ЧТОБЫ ОТВЕТИТЬ НА ЭТИ ВОПРОСЫ, ГРУППА КОРРЕСПОНДЕНТОВ «СМЕНЫ» НЕДАВНО ОТПРАВИЛАСЬ В БОЛЬШОЙ ПЕРЕЛЕТ ПО СТРАНЕ НА САМОЛЕТЕ АН-14 «ПЧЕЛКА», ПИЛОТИРУЕМОМ ЛЕТИЧКОМ-ИСПЫТАТЕЛЕМ ВЛАДИМИРОМ КАЛИНИНЫМ.

МЫ ПОЛЬЗУЕМСЯ СЛУЧАЕМ, ЧТОБЫ ВЫРАЗИТЬ СВОЮ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ ГЕНЕРАЛЬНОМУ КОНСТРУКТОРУ ПО САМОЛЕТОСТРОЕНИЮ ОЛЕГУ КОНСТАНТИНОВИЧУ АНТОНОВУ, КОТОРЫЙ ПРЕДОСТАВИЛ РЕДАКЦИИ СВОЙ НОВЫЙ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ САМОЛЕТ-ВЕЗДЕЛЕТ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЭТОГО ПЕРЕЛЕТА.

Наша «Пчелка» приоткрылась в стороне от бетонированных взлетных полос. Но эта маленькая гербистая машина неожиданно оказывается самой заметной на Киевском аэродроме. Прекрасные воздушные лайнеры взмывают куда меньше любопытства, чем она. На нее смотрят, щурясь от яркого солнца, пассажиры, вышедшие на посадку в гербистый «ИЛ». К ней группы и подгруппы подходят пилоты только что прибывших или стоящих на заправке самолетов. С ви-

дом знатоков ходят они вокруг «Пчелки», оцупывают ее со всех сторон, заглядывают внутрь.

Меня выслушивают самые разные: «Чудесная машина», «Неуклюжая», «Ничего подобного, красивая птичка!», «Ну что это за самолет? Шасси не убираются...», «А обзор, обзор из пилотской кабины какой отличный!»

Мы не специалисты, мы пассажиры. Но мы известны кое-что такое, чего не знают приобщенные экскурсанты. К тому же мы уже

успели полюбить «Пчелку». Нам приятно слышать о ней хорошее и хочется «дать сдачи» тому, кто говорит о ней не очень уважительно. Особенно раздражает нас внешне вполне симпатичный блондин — боргродист с «ИЛ-18». Ему все не нравится.

— Улитка, — презрительно говорит он, — заклепки торчат наружу... Лишнее сопротивление... При такой аэродинамике у машины должна быть черепаший скорость...
— А может, в этом как

раз и достоинство самолета, — бросаемся мы в бой...

Наверное, мы судим о машине по-дилетантски и, уж конечно, говорим что-то не то и не так. Это видно по лицу нашего противника. Он усмехнется. Но вот что-то из нас, кажется, попал, как говорится, в точку. Блондин вдруг становится серьезным, когда узнает, что «Пчелка» может летать не только быстро, но и наоборот — она абсолютно послушна рулям и прекрасно маневрирует на минимальных скоростях — около 50 ки-

лометров в час, что для разбега ей порой достаточно 35, а для посадки 40 метров, что практически она может приземлиться где угодно: на проселочной дороге, на полевом стане, на пашне у трактора...

— О, это уже интересно! — отступает поклонник больших скоростей. Тем временем механики опробовали моторы. Их рев заслушивает реч, и приходится кричать на ухо собеседнику. «Пчелка» напрягается, готовая сорваться с места. Тормозные устройства

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал Центрального Комитета ВЛКСМ

18 СЕНТЯБРЬ 1961

ЖЕЛБ ГЕСУБЛИКИ

Все оказывается, по меньшей мере, в сто раз больше, чем представлялось нам сверху. Тонкая линейка в три десятка метров, протянувшаяся между Городищем и Жашковом, превратилась в широкую трехкилометровую дорогу, вымощенную булыжником. Само Городище, напоминавшее иррегулярный макет населенного пункта, оказалось большим, утопающим в зелени садов селом — главной усадьбой колхоза имени Ленина. То и дело на ток выезжают и лихо разворачиваются наполненные пшеницей грузовики. Открываются борты, сыплется зерно. Слово впечатанные в голубое небо, проворно орудуя лопатами на самой верхушке злейного кургана колхозные девчата в цветастых косынках. Жарко...

Еще жарче в поле. Запрокинув голову, жадно пьет воду комбайнер Николай Билык. Струйки сбавают по щетинистому, запыленному подбородку, за расстегнутый ворот промашинного комбинзона. В той стороне, куда стоит он лицом, до самого горизонта стерся с ридями ипен соломы. За спиной несхоженное поле. Пшеница по пояс. Под тяжестью колосьевгибаются стебли, сплетаются в колтуны грибки. А еще дальше позади Билыка огромный массив кукурузы. Ею гордятся. Будет не меньше чем по 60 центнеров зерна с гектара.

Далеко вправо — поле гречки, а налево — колхозные огороды. За ними массив ячменя. Там ведет уборку Евгений Билык. Это брат Николая. Намолачивает по четыреста центнеров в день.

У Николая намолот чуть меньше. Но красноречивый передовик развеивает на его машине. Унасток у него самый трудный. Пшеница густая, высокая. Дожди прощали. Местами ея земле прибило...

Все это и многое другое о Николае Билыке мы узнали еще на ходу, потом — в бригаде механизаторов, задолго до того, как приехали сюда, на поле, где работает лучший комбайнер.

Первым встретил нас на земле колхоза Николай Степанович Шалаев — заместитель председателя, секретарь партийной организации, человек средних лет, застенчивый и интеллигентный. Начал он с того, что смущенно посоветовал нам побывать в соседнем колхозе имени Пархоменко. Стал называть цифры, перед которыми не устоял бы даже самый отъявленный скептик. Когда мы объяснили ему, что не ищем черт-то особенного, в Шалаев заговорила гордость.

А вы что ж, думаете, в советую вам поехать к соседям потому, что мы какие-нибудь посредственные? Да вы знаете, что у нас...

И мы узнали, что колхоз имени Ленина в прошлом году вырастил в среднем по 32,7 центнера зерновых и по 340 центнеров сахарной свеклы с гектара, получил на каждые

100 гектаров пахоты 405 центнеров молока и 88 центнеров мяса, был участником Выставки достижений народного хозяйства и за высокую культуру земледелия удостоен иррегулярной премии. И в этом году во всем деле идут хорошо. Урожай зерновых такой же, если не больший. Досрочно выполнен план продажи хлеба государству.

С еще большим жаром рассказывал Шалаев о людях.

— Цифры, конечно, о многом говорят, — заметил он. — По ним легче всего составить представление о колхозе. Посмотри, бывает, похвалят: агрогнетина на высоте... А ведь это еще не все. Человека знать нужно, того самого, кто эту агрогнетину применяет. Ради чего старается хлебороб, чего хочет, о чем мечтает? Только ли о том, чтобы побольше зарабатывать? Многие считают, что так. Я не верю в это. Мало этого, слишком мало колхознику в 1961 году. Не может он сейчас жить по

принципу: «У меня всего вдвойне, а до других мне дела нет». Хочется ему, чтобы у всех было всего вдвойне, чтоб не только его хата, а вся страна была полной чашей. Хочется жить, как горжанинши, работать, как на фабрике. Об этом думает каждый хлебороб. Об этом же и в проекте Программы партии говорится...

Он умолк на минуту, как бы взвешивая все сказанное.

— На это и курс держим — добавил поделовому. — Ведь не кому-то, а нам самим перестраивать его — жизнь сельскую. Люди понимают это. Полотытки эти бы с Нади и Ней Марией...

Так мы услышали имена комсомолки Нади Осадчей, которая в этом году откормила и уже сдала государству 400 голов свиной, званевой молочноговарной фермы Марии Малюх. Среди тех, кого назвал Шалаев, был и Николай Билык...

с трудом удерживают ее на месте.

Вещи наши давно уже в самолете. Журналистские пожитки известны: у каждого небольшой чемоданчик и фотокамера. А у Василия Мишанина аппарат даже несколько: он фоторепортер.

Наконец и мы занимаем места в «Печелке». В ее пассажирской кабине все как в салоне большого комфортабельного воздушного лайнера. Кто-то шумливо замечает:

— Э, сей салон не для командировочных! Понемногу, друзья, на этот раз, а в будущем ориентироваться на жесткий «АН-2».

— Это почему? — останавливается в проходе Владимир Калшин, пробирющийся в пилотскую кабину.

— За мягкость платить придется. Буксиратор этого разряда не терпит...

Калшин, или просто Володя, как он представлялся, когда мы знакомились, наשמешиво смотрит на наше колесо и говорит:

— Не беспокойтесь, полет на «Печелке» будет стоить столько же, сколько и на «АН-2», а может быть, и дешевле.

Пилот наш вообще человек очень серьезный, даже строгий. И хотя все мы, кроме Васи, его ровесники,

он выходно отличается от нас своей сдержанностью, манерой говорить спокойно, без лишних слов и жестов. Говим и должны быть человек, на котором лежит огромная ответственность — дать пущее в жизнь новой машине.

ВЫСОТА

По травяному полю «Печелка» наконец вырывается на взлетную полосу.

И вот старт. Смотрим в окна, как бежит мимо бетонная дорога. И вдруг... Что это? Кажется, машина встала на дыбы. Какая-то сила вжимает нас в спин-

ка кресла. Потом мы валяемся на бок и видим, как земля встает торчком. Удивительно, как на этой наклонной плоскости удерживаются и не скатываются куда-то вниз стоищие на аэродроме самолеты, автомашины, люди, потом дома, огороды. Все это быстро уменьшается в размерах. «Печелка» выравнивается и с набором высоты идет на юг.

Ждем болатки. Но болатки нет. Только легкое, не причиняющее никаких неудобств покачивание.

На высоте хочется пить. Особенно хорошо это чувство знакомо летчикам, альпинистам и верхолазам.

Искушенные люди объясняют это просто: дух захватывает на высоте, вот и хочется человеку запеть, как птица... Наверное, они правы. Но думаем, что дело не только в этом. Прекрасно ощущение лета, непередаваемо красиво небо, не еще краше земля, когда перед глазами раскрываются бескрайние дали. Смотреть — нет ей предела и нет на ней уголка, где бы не были видны следы деятельности человека. Огромная земля наша, но еще огромнее, величественнее — дела советских людей, украсивших ее плодами труда своих рук...

И вот мы разыскали его. У поля нет берегов. Взгляд скользит по желтой, застывшей в безветрии поверхности, упирается в край неба, до которого, кажется, никогда не дойти, не дотянуть. Земля под ногами разогрета, мягкая. Душно. Неистовствует солнце. Мерно гудит мотор машины. И больше никаких звуков: ни крика птицы, ни голоса. Пустыню.

У человека, привыкшего работать здесь вот так, один на один со степью, наверно, должен быть угрюмый характер...

Опорожни кружку воды, Николай секунду смотрит на нас, и вдруг губы его начинают выгибаться в улыбку.

— Что, на вечера похот? — спрашивает он. — Работа у нас такая... пыльная.

— Но зато, кажется, обильная? — По тридцати центнеров с гаком с гектара берем.

Предположение наше насчет характера не

оправдывается. Сразу становится все как-то просто, разговор начинается, что называется, с места в карьер... Ничего такого особенного в жизни Николая не происходит. В прошлом году намолотил восемь тысяч центнеров хлеба. Что будет в этом сезоне, судить рано, но думается ему, что будет больше. Как предстает он себе будущее колхоза и свое? Во-первых, ни колхоз отдельно от себя, ни себя отдельно от колхоза он не представляет. Судьба у них общая. Во-вторых, ему совершенно ясно, что технику на полях будет куда больше, чем сейчас. И сама она будет лучше. Вот он работает на комбайне «СК-3». Хорошая машина, лучше других. Но и ей тяжело вести уборку там, где выращен такой обильный урожай. А ведь сейчас ставится задача поднять урожайность. Что же будет, когда колхоз стеницы получат не по 30, а по 40 центнеров пшеницы с гектара? В общем, он уверен, что и его «СК-3» еще не тот комбайн, на котором ему

придется работать в будущем. Появится лучшая машина, и он мечтает сесть за ее штурвал... А о чем мечтает в эти дни комсомолец, зреневая Мария Малох?

Попрошавшись с Николаем Бильником, мы на ходу вскакиваем в кузов грузовика и, зарывшись руками в теплое, только что обмолоченное зерно, трясемся до поворота дороги, от которого рукой подать до молочногосударной фермы. Скоро время вечерней дойки коров, и надо успеть застыть дозором, иначе в полчасе управятся двачета с делом и разойдутся по домам, чтоб принарядиться к вечеру. Ведь сегодня в колхозном клубе самодеятельные артисты дают «Свадьбу в Малиновке»...

И вот мы уже в маленькой уютной конторке зренев. Светловосоза, сероглазая девушка смущаясь, рассказывает о своих подвигах. В прошлом году двачета надолбила по 2 700 килограммов молока от каждой коровы. Теперь на три тысячи ориентируются.

— К осени перейдем на электродойку... Дом животноводов начнем строить...

А это уже что-то только ей, Маруси. Говорит она, и видится нам светлая комната, этакерка с книгами, на стене аттестат зрелости в рамке под стеклом. Девушка склонилась над лухлым учебником. На столе, на стопке тетрадей, коринневая зачетная книжка с белым тисненой надписью: «Зачетный зоотехнический техникум»... До окончания осталось полтора года. А что будет потом?... Знакомые до мелочей помещения колхозной фермы. Те же подруги, только теперь она — зоотехник. И у нее новая зачетная книжка... Но это уже будущее. Но как отчетливо оно видно: по окончании техникума Маруса работает в родном колхозе и заочно учится дальше; уже давно действует новый, большой, прекрасно оборудованный коровник, стадо перевалило за 1 200 голов. А колхоз как покорошил! Побурнела улица новых красных домов. Построена столовая. Пышно разрослись на колхозной усадьбе молодые деревья, посаженные в 1961 году колхозными комсомольцами. Приветливо машут они Марусе своими зелеными ветвями по утрам, когда спешит она на ферму, в зоотехническую лабораторию. Да, и в лабораторию. Ведь теперь Маруса уже специалист с высшим образованием...

— Да какие же это мечты! — кауленно смотрит на нас председатель колхоза Иван Иванович Стогний, жонка, и мы о чем мечтает Маруса Малох... Это же чистая правда! Тот самый коровник, о котором она вам говорила, запланировано построить в будущем году. 1 200 голов рогатого скота — это же наша, так сказать, проектная норма на 1962 год. В плане строительства и тридцать новых домов для колхозников и столовая... Ну и дичина, как в воду глядела! И насчет высшего образования верно сказано. Раз решишь — добьешься... Мне остается только добавить, что в 1963 году мы перейдем на денежную оплату труда. Уже сейчас колхозникам ежемесячно выдается денежный аванс. В общем, недалекая время, когда колхоз наш из сельхозартели превратится в предприятие, в настоящую фабрику зерна, мяса и молока...

Мы поем песню, которая рождается тут же:

Мы летим в самолете
особом,
С необычным названием
«Пчелка».
Поднимаемся в небо мы,
чтобы
Рассказать про земные
дела...

С полукилометровой высоты пролетающая под крылом равнина кажется акведуком ошанковой. От горизонта до горизонта простирается одна и та же выжженная шамакитная дошка с перепутанными, разноцветными клетками. Желтые, зеленые, черные... По желтым

модельно движутся положе на жуков комбайны. На прямых ленточках дорог плят крохотные автомобили. Близнецами вылают села с выстроившимися, как на линейке, белыми домиками в садовках. Ничем не отличаются друг от друга вытанутые коробочки животноводческих ферм...

Разумеется, мы не верим в эту покоесть. Не бывает ни абсолютно одинаковых полей, ни стереотипных ферм. У всего есть свои черты. Только с неба их не заметишь. Дал этого надо спуститься на землю.

Прямо по курсу выплывает из-за горизонта, при-

ближается расчерченный на ровные квадраты степной горюлок. Проходит немного времени, и мы уже отчетливо видим его прямые, оттененные зеленой улицей.

Еще в Киеве нам показывали: «Слетайте в Жашков — районный центр Черкасской области. Там есть что посмотреть».

И вот Жашков под нами. «Пчелка» делает разворот, заходя на посадку. Встречаются в глаза водонапорная башня, площадь, рыночная площадь. На высоте пятнадцати метров переваливаем через железнодорожную насыпь и сразу же приземляемся...

СЕНСАЦИЯ В БУЗОВКЕ

Из Жашкова мы собирались улететь утром. Но, как это всегда бывает, возникнут какие-нибудь непредвиденные обстоятельства, и приходится менять ранее намеченный план действий. Утром кто-то предложил: «А не слетать ли нам в колхоз имени Пархоменко?». Искушение было велико. Вспомнилось все, что рассказывал нам Шалаев. И мы решили: летим.

Такое в Бузовке, где расположен колхоз имени Пархоменко, еще никогда не видели. Самолет приземлился в самом селе — вырвался на шоссе и покатил прямо к правленню колхоза. По пути мы разминувшись с грузовиком. А вот с телегой разминувшись оказалось куда труднее. Лошадь не хотела свернуть. Пришлось нам уступить ей дорогу.

Эта вежливость окончательно сразила и без того удивленные свидетели происшествия «Пчелка». Особенно неистовствовали высипавшие на улицу мальчишки. Крича, размахивая руками, они со всех сторон ринулись к самолету, и у нас возникло серьезное опасение: не растащат ли они его по частям?..

Шалаев оказался прав. Пархоменки действительно многого добились. В их опытно-показательном хозяйстве получено по 43 центнера хлеба с гектара на большой площади. Доказано, что «Мирносовская-26А» и «Белоцерковская-23» — самые урожайные для районов Черкасской области сорта пшеницы...

Всего полчаска провели мы в правлении, но узнали много интересного. В колхозе на ответственных участках введена гарантированная оплата труда, наложено бесплатное питание. Около семидесяти человек учатся заочно в техникумах и институтах...

Во время беседы выяснилось, что из пяти подполков стала обих из работающих на полях комбайнов. Автомашины, чтобы доставить запасную часть, под рукой не оказалось. Да и ехать было далеко.

Нам очень хотелось помочь колхозникам. И мы предложили:

— Давайте деталь, доставим ее к комбайну на самолете.

До последней минуты никто не хотел принимать это предложение всерьез. Только козод мы, взяв посылку, сели в «Пчелку», люди поверили, что это не шутка. Самолет благополучно приземлился возле комбайна. Получив запасную часть, изумленный и обрадованный комбайнер только и сказал: — Вот это да!..

ЗЕМЛЯ БЕЗ БЕРЕГОВ

И вот мы снова в Жашкове. Здесь нас ждал сюрприз. Узнав, что «Пчелка» летит

КРИВОРОЖСКОЕ ЧУДО

в Кривой Рог, комсомольцы колхоза имени Ленина решили послать криворожским демонстраторам спол выращенной или пшеницы. Принесли его Вала Ступак, Геля Кравичук и Гаял Боданова.

— Передайте строителям, что наш колхоз вырастил богатый урожай, — сказала Вала. — Мы уверены, что и они свержат свое слово и ко дню открытия XVII съезда партии их дома вступит в строй.

«Пчелка» в воздухе. Снова под крылом расстели-

«Пчелка» ложится в вираж. За правым бортом наша самолета безбрежная синева неба. Слева, под крылом, как на параде, плечом к плечу выстроились криворожские дома. Ряд действующих, в рядом новых, строящихся. Но мы знаем, что скоро, очень скоро забудут и в ней пламя. Затем горные пробурят летку. По желобам хлынет чугун. Маленьким ковшиком горной зачирнет металл и залетит небольшой форму. Потом из формы достанут модель чугуноза. Выпущенный булавки на нем будет начертано: «Отлит из первого чугуна Комсомольской. Кривой Рог. 1961 год».

Толковые факты

Строительные дома в Бхлан (Индия) вельсо три года.

В два года предполагают завершить сооружение доменной печи в Новой Гуте (Польша).

Кривоорожско-комсомольская строилась восемь месяцев!

— В чем секрет этой победы? — спрашиваем мы у Володи Волкова, комсомольского секретаря треста «Кривоорожстрой».

— Секрет? — Волода задумывается. — Знаете, а секрета никакого нет. Все дело в наших людях.

Из рассказов Володи Волкова, из встреч со многими комсомольцами становится ясен моральный кодекс людей, создававших гигантскую доменную печь. В этот кодекс вошли высочайшие нравственные принципы. И вот тому пример.

«Это было еще зимой, когда строительную площадку заливали дожди и грунт превратился в густое, липкое месиво. Экскаваторы как бы нехотя ворожили свинным ковшом. Самосвалы то и дело везли на пути к котловану. Работать было трудно. Давать план — еще труднее.

Среди бригадиров нашлись «примудришки». Начались приписки. На бумаге выполнение плана росло, как на дрожжах. В бухгалтерских отчетах работа шла далеко за сто процентным рубежом. В ведомостях на зарплату значилось только большие цифры. Экскаваторщики, землекопы, шоферы — все, кто в те дни работал на грунте, — получали в полтора-два раза больше обычного. С получившего можно было купить новый костюм. Можно было быстро собрать денег на аккордеон. Можно было честно дарить дорогие подарки девушке.

КОМУНИЗМ -
МОДЕЛЬ СЕЛ
ТАКО БЫВАЕТ
МОЛОДИМ!

ВСЕСОЮЗНО

Посмотреть со стороны — людям казалось хорошо. А в душе каждого свербило, скребли кошки. Честность, правдивость, нравственная чистота... Где вы? Разве можно все это променять на деньги?

Как это случилось? Где и когда ребята разговорились по душам? Мы этого не знаем. Но такой разговор состоялся. И ребята пришли в комсомольский штаб. Здесь было выложено все, что мучило их совесть. Ребята принесли с собой деньги, полученные за работу, которую не дали. Они просили взять эти деньги обратно! Ребята жгли ладони.

Краска стыда заливала их лица. Разговаривали и не могли поднять глаз. А потом... Потом глаза ребят засветились радостью. Они радовались потому, что честность и правдивость, светлое и настоящее в их сердцах одержали победу. Это была одна из главных побед на стройке.

«Процесс домостроения — от рытья котлованов до установки последней секторной заслонки на

трубопроводе — звенья одной непрерывной цепи. Порядок этих звеньев установлен абсолютно точно. Он не допускает даже малейших отклонений. Если не затеять вовремя мостовой кран на литейный двор, нельзя будет вести кладку стен. Если запаздывает с работой в окисловых ямах, не окажется площадки для сооружения колоннинкового подвешивания. И так на каждом участке стройки

Случилось так, что поставка оборудования на строительство задержалась. Из-за этого на спуск восьмисоттонного кессона времени не хватало. А задержка со спуском грозила остановить все работы.

«Молнии», словно белые птицы, разлетевшись по стройке, известили об угрозе прорыва. Тогда и пришли в комсомольский штаб два бригадира — Иван Ардукало и Иван Богунец. Пришли в штаб со своими бригадами.

— Опустим к сроку, — сказал Богунец. — Это точно. И бригады пошли на кессон.

Работали круглые сутки. По колесу в грунтовых водах. А по печам, по спинам, по рукам хлобыстал холодный-холодный дождь. Так было день за днем, ночь за ночью 328 часов. Но кессон астан на место. Стройка вошла в график.

Потом возникла угроза нового прорыва — теперь на спуске кессона ям. Тула ушла работать ребята на бригады Ванчи Лещина. Они повторили подвиг абугоцувцев и «доудаловцев». Они поставили невиданный рекорд: спуск двух кессонов ям вместо шести месяцев занял восемь дней.

И был еще рекорд, который не всегда войдет в летопись домостроения. То был рекорд бригады железнодорожников. Они соорудили стальные переходы буржально под колесами двигающихся шлаковокз. Они отвели составы на запасные пути и за три суток заложили фундаментом семидесятиметрового колоннинкового подвешивания. Потом был еще один сорочанинунный штурм на рельсах: сработали новый действующий переход. Чугун от действующих домен непрерывно шел к мартенам.

— Как вам это удалось, ребята? — спросили ям у комсомольцев-железнодорожников.

— Просто каждый из нас сделал все, что было в его силах. А потом спешил на помощь товарищам...

Да, благодаря этому замечательному принципу: каждый за всех, все за одного — строители Криворожско-комсомольской осуществили, казалось бы, неосуществимое.

— Было трудно с футеровкой печи, с укладкой лещадки, — рассказывает Володя Володько. Знаете, как кладется лещадка? Ряд за рядом, кирпич к кирпичу. Точность здесь предельная: шов между кирпичами — полмиллиметра.

Своими силами криворожцы не успевали вести работу по графику. Комсомольский штаб обратился к домостроителям Рустави и Липецка. Они приехали тут же, не теряя ни дня. Температурные чернокопосые грузинские футеровщики и, как на подбор, молчанье и русоголовые лещадники из Липецка. Они работали тогда больше, кто меньше! Такой учет вести было невозможно. Все работали рядом, бок о бок. Здесь все делалось по-новому: горечь неудач и радость побед, труд и заработки. Здесь была коммуна.

— Надо жить так, чтобы все за одного, — говорит Володя. — И у нас весь город за одну дыму. Вот бывали суботники и воскресники. Никого персонально не приглашали. Объемы: нужны люди. И приходит тысячи.

— Он смотрит в свой блокнот: — Два последних месяца — 12 тысяч добровольцев-помощников.

...2 тысячи молодых строителей соорудили домну. Домна была для них не только местом работы. Домна была их мечтой. Они знали, что комсомольская домна — еще один верстовой столб на дороге в будущее. Они знали, что творение их рук будет служить коммунизму.

И все свои силы они приложили к тому, чтобы самим быть такими, какими будут люди завтрашнего дня.

ся расчерченная на квадраты, испещренная линейками дорожка равнина. Снова кажется, что полз одно колесо ничем не отличающегося по форме бруска.

Мы знаем: так не бывает. Все имеет свою конкретные, неотторжимые черты. Но почему сейчас это уже не кажется нам такой непрерывной истинной, как казалось вначале. Вспоминаются люди, с которыми мы встречались в разных местах — их загорелые, умышленные лица, их рывки, их фразы — и обнаруживается так много общего в самих этих людях, в их работе, в их планах и мечтах! Вспоминается короткий разговор с уже молодым, но по годам подвижным человеком — первым секретарем Жижковского района партии Константином Федоровичем Чибкой. Вспоминаются названия и цифры. Духотсуповый урожай выражен в этой году на полях района. Два миллиона пудов пшеницы — одно больше, чем в прошлом году, а если считать с кукурузой, то почти три миллиона пудов зерна получит Россия от жижковских хлеборобов...

Нет, не смущает нас больше то, что под крылом самолета мы в воздухе увидели по-прежнему на земле, формы и линии этой пологости своя большая правда. Хорошо идут дела во всех колхозах Жижковского района. Стерлись их границы. Нет березки, на которой в воздухе вдохновенно трудится советский человек.

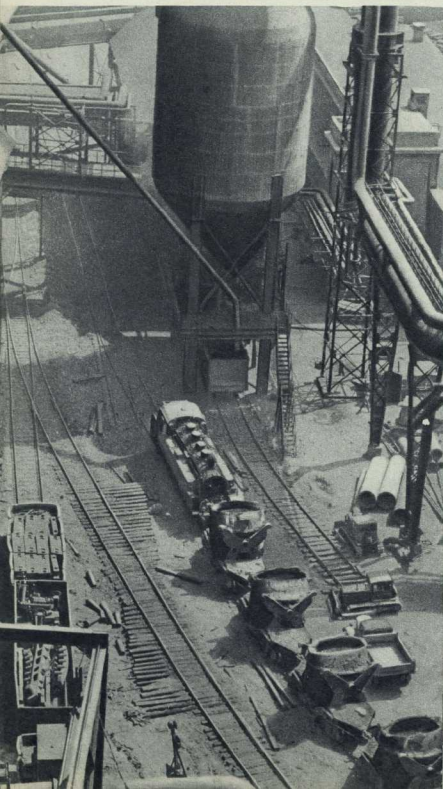
А «Печка уже над другим районом. И опять выслушав все те же картины. И дальше, дальше — вся Черкасская область, а за нею Криворожье, а до-то района Киевщина, Днепротроярщина, Полтавщина. Вся Украина ведет большую жатву, посвященную XXI съезду партии. Славятся лещадки, а значитской ролей течет в зарывах Родины хлеб республики.

ЭСТАФЕТА ТРУДОВЫХ ВЕЩЕЙ

Нас попросили: «Когда будете уезжать, передайте нам нашей домну. Хотим посмотреть вату «Печка».

Мы сказали об этом Владимиру Кашинки, когда самодому только поднялся в воздух. Отказался, а курсант не пожелал. Но раз проект строители Криворожско-комсомольской...

Идем почти ровным с горизонтом домыком. Все принимаем к огню. Ответливо чувствуется запах дыма. Вокруг строящейся домны стрелы кранов, в сплетении опорных металлических конструкций колышится ося электросварки. На самом верху группа людей отчаянно машет нам руками. Этот прощальный привет — еще не все, что яво-

ЖАРКО. Солнце блещит в небе так, что не дает поднять глаза выше горизонта. Небо кажется ослепительно белым. Вот уже больше месяца с него не упало ни одной капли влаги. Земля под ногами настолько высохла, что, кажется, вся превратилась в пыль, мелкую, как мука. Трава тоже высохла и стала похожа на колючую проволоку.

Алексей Белецкий, главный инженер СМУ-4 «Крымводстрой», медленным движением руки отодвигает соломенную шляпу на затылок, щурясь, поднимает голову и вдруг улыбается.

— Скоро воды здесь будет вдвоевль...

Эти слова, сказанные посреди иссушенной зноем степи, кажутся несуществующей сказкой.

— Не верится! — словно угадывая мои мысли, смеется Белецкий. — Но это будет, обязательно будет. Здесь пройдет трасса Северо-Крымского канала. Мы сейчас здесь. — Он тычет пальцем в верхнюю часть карты Крыма — Краснодарский край. — Вот Армянск. Вода пойдет отсюда, от Канакви, через Перекот до Джанкоя. И дальше на юго-восток и восток, мимо Старого Крыма до Керчи.

Главный инженер рассказывает о плане грандиозного строительства, о претворении в жизнь давней мечты жителей здешних мест, а нам невольно видится прошлое крошечного клочка земли, на котором мы стоим. Мы озираемся вокруг. Мы слышим рожок машин, доносящийся из-за вала земли, и стараемся представить себе то, что было здесь и сорок и двадцать лет назад. Здесь каждая глыба земли полита кровью солдат, сражавшихся за Советскую власть, за свободу нашей Родины.

ОБ ЭТОМ нельзя не думать, впервые попадая на Перекоп. Здесь все напоминает о прошлом и вместе с тем требовательно зовет к скорейшему созданию будущего. И заросшие травой и кустарником шрамы околов и блиндажей, видимые с самолета то тут, то там. Их старательно обходят трактористы, возделывая поля: это память земли — ее не хотят нарушать. И исхода от жажды земля — напор ее, и она расцветет пыльным садом, благодарно воздаст за труды. И может быть, вот на этом самом месте, где стоит сейчас главный инженер — командир батальона строителей, — стоял командир батальона солдат, может быть, он так же водил пальцем по карте, отыскивая направление удара в грядущем сражении.

Сейчас здесь, на этой легендарной земле, снова идет сражение: советские люди вышли в наступление на природу. В проекте Программы КПСС поставлена задача — освободить сельское хозяйство от вредного воздействия стихийных сил природы, в особенности от засухи. Крымские строители уже начали напряженную битву за претворение в жизнь этого грандиозного замысла.

ИДЕТ наступление... Магучая мирная техника — бульдозеры, скреперы — двинулась в бой. А впереди, как в былые военные дни, идут саперы. Они идут перед скреперами. Они идут следом за скреперами. Они настойчиво ощупывают землю минисканерами. Следы минувшей войны

БОЙ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

все еще дают себя знать. Мины попадают на глубине до двух метров. Здесь работает отделение сержанта Александра Яковлева. Саперы как бы часть коллектива строителей — бригады Ивана Крепака. От работы саперов зависит успех и безопасность работы бригады. А рабочие борются за звание бригады коммунистического труда. Стало быть, и доля солдат будет в этом почетном звании.

Слой за слоем снимают скреперы грунт. Две машины, как чертики, ходят друг за другом взад и вперед от берега к берегу будущего канала. А между ними ирритуются толкач. Когда скрепер врывается слишком глубоко в землю и трактору не под силу тянуть, на помощь приходит толкач. Только успев помочь одному, как надо спешить к другому. Все глубже зарываются машины в русло

канала. Вот они ушли уже так глубоко, что скреперам трудно работать. Тогда их место занимают бульдозеры. Те роют дальше. Постепенно вырисовывается контур канала. А дальше, на границе кукурузного поля совхоза Тавричского, как по шаблону, точно вырезанное, уже готове русло. Хоть сейчас заполнить водой. Это работа бульдозериста Владимира Нартова.

Владимир — опытный строитель канала. Он строил Краснознаменский канал на юге Украины, который питается водой тоже от Каховского водохранилища и является как бы частью Северо-Крымского канала. Он участвовал в сооружении канала и оросительной системы на Херсонщине. Нынешняя стройка для него — третья, и, пожалуй, самая крупная.

КОГДА мы прилетели в Красноперовск, то обратили внимание, что рядом с полями, на которой приземлилась наша «Челка», раскинулось картофельное поле с довольно свежей ботвой. В эту пору обычно готовится уже убирать картошку, а здесь она еще не цвела.

— Так ведь это уже второй урожай зреет, — охотно стал объяснять один из людей, прибывших встречать наш самолет. — Орошаемое земледелие позволяет снимать по два урожая в год. Вода, правда, не днепровская, потому и масштабы, как видите, пока скромные...

А какой размах приобретает орошаемое земледелие, когда вода Днепра льнется в Крым! Какие удивительные возможности откроются тогда для крымских земледельцев. Каждую секунду через канал будет проходить 360 кубических метров воды. По сложной оросительной системе она пойдет на поля, в виноградники и сады. Протяженность канала — 425 километров.

В системе канала будет построено девять водохранилищ, наиболее крупное из которых — Джанкойское. Площадь его более полутора тысяч гектаров. Различные участки канала будут обслуживаться мощными насосными станциями. Там, где вода не сможет идти самотеком, ее будут перекачивать на следующий участок.

И магистральный и отводные каналы окружит густая кайма деревьев. Они защитят поля от суховейных ветров и черных бурь, они сохранят воду от испарения.

Речные суда из Днепра смогут по каналу доходить до Джанкоя. Здесь будет сооружен сорокакилометровый канал, который соединит Днепр с Азовским морем. Таким образом наладится непосредственное судоходство между Днепром, Доном и Волгой.

Воду получат и Керченский промышленный район.

Но главное — это орошение. В Крыму будет орошено шестьсот тысяч и обводнено около миллиона гектаров земли. Воду из канала получит почти весь степной Крым, до границы Балгарии — Феодосия. Южная, предгорная его часть будет питаться водой горных рек. В предгорье будет создано несколько водохранилищ. Самое крупное из них — Симферопольское — уже построено. Сооружаются Альминское, Балчарсарайское, Тайганское, Чернореченское и другие водохранилища. Они будут как бы аккумулировать воду, собирать ее весной и постепенно отдавать в засушливые периоды, когда реки почти пересыхают, а созревающим плодам так необходима влага.

Одно из этих водохранилищ будет снабжать водой южный берег Крыма и курорты. Дело в том, что вода, которая в изобилии течет весной с гор, на берегу морском негде удержать и сохранить.

Там нельзя построить надежные водохранилища: они сползают, и вода уходит. Придется строить ее за горами. И оттуда по тоннелю она потечет на юг. Сейчас прокладывают тоннель в Крымских горах. Его длина — 7 250 метров. Проходчики работают в весьма сложных условиях, почти в слепую, ибо разведать всю трассу очень трудно: над тоннелем на девяносто метров возвышаются горы. То и дело строители подстерегают обвалы, пустоты, подземные водопады.

РАНИЙ весной нынешнего года мы были в Симферополе и видели там с одним из уважаемых жителей Крыма, профессором Павлом Тимофеевичем Болгаревым, старший ученик-инженер градирь у себя на кафедре в сельскохозяйственном институте. Только что закончились экзамены. В большом зале развешены богатейшие карты виноградника и виноградных дол. На столе профессора стояли бутылки, на этикетках которых были введены странные, похожие на химические формулы. Профессор пригласил нас к столу и для начала разговора, налил в стаканы из бутылки, предложил попробовать. Выяснилось, что это дипломные работы его студентов — вино, приготовленное из выращенных ими сортов винограда. Павел Тимофеевич крошечными глотками пробовал вино и, шурясь, поглядывая на нас, как бы спрашивая: ну, как? Вино, несмотря на странные названия, было приятным и вкусным.

— Мы теперь говорим о коммунизме,— начал профессор несколько ментально,— как о реальном, ошутимом мире. В нем все будет прекрасно. И человек. И плоды его труда. А назозителен плод чудесной винограда!— В глазах Павла Тимофеевича промелькнула теплая, лукавая улыбка.— Много надо будет винограда в мире прекрасного, в коммунизме,— он облагородил жизнь человека. Вот потому-то партия и решила превратить Крым в область сплошных садов и виноградников.

Старый профессор, всю жизнь свою посвятивший воспитанию виноградарей, выращиванию винограда, превращению земли в сад, мечтает о коммунизме. Он говорит о том времени, когда с крымских виноградников ожидается выдувать подниматься десятки самолетов с виноградом, чтобы свежим доставить его в самые отдаленные уголки страны; о потоках грузовых автомобилей, везущих урожай плодов; о самоходных баржах, которые пойдут по Северо-Крымско-

му каналу, увозя богатый урожай. Вопрос о воде, об орошении для него — решенная проблема: вода должна быть, и она будет, будет в достатке. Его больше заботят проблемы механизации возделывания виноградника, проблемы снижения трудоемкости, новых способов выращивания виноградной лозы, новых сортов.

— В четырнадцать раз мы должны увеличить производство винограда к 1965 году по сравнению с последним временем. Это будет более миллиона тонн. Значит, через четыре года только наш маленький полуостров преподнесет каждому советскому гражданину по пять килограммов отличного винограда. Не считая яблок, груш, персиков, айвы, слив, вишни, клубники...

МЫ ВСПОМИНАЕМ об этом разговоре, вспоминаем простирающиеся на север от Симферополя опытные виноградные плантации, участки, на которых уже сейчас осуществлено орошение, и перед нами встает вся значимость, все величие происходящего на Перекопе строительства.

Молодой рабочий-бульдозерист Владимир Нартов, обвальный, с коринчевым ли от солнечных лучей, то ли от земляной пыли лицом, и старший ученик-садовник Павел Тимофеевич Болгарев, он наду в общем строю, они вместе передадут землю. И каждый из них, читая проект Программы КПСС — программы строительства коммунизма, отыскивает слова, относящиеся непосредственно к ним.

«...выполнить обширную программу ирригационного строительства для орошения и обводнения миллионов гектаров новых земель в засушливых районах...» — читает Владимир Нартов, и сердце его исполняется гордостью оттого, что партия говорит о его деле, как о необходимом, для строительства коммунизма.

«Партия будет содействовать развитию сельскохозяйственной науки, направлять творческие усилия ученых на разработку коренных вопросов подъема сельского хозяйства, добиваться практического применения и широкого распространения достижений науки...» — читает Павел Тимофеевич Болгарев, и перед его мысленным взором проследил путь своего ученика, его ученик. Партия нуждается в его опыте. Это приятно. И старший ученик чувствует свежий прилив сил.

Мирно продолжается. Продолжается бой за новый мир.

родному хозяйству, как земля, по которой пройдет ваш канал, необходима вода! Не только в день, когда машина снова кривокосящая дыма выдлет перек мучи. Трудитесь и вы так, чтобы скорее пришли в засушливые степи Северо-Крымского земляного воды Днепра!

Вдур в двери пилотской кабины повзвывает голова Кашкина. Он кивает на окна, кричит: Смотрите, Каховское море! Далеко слева голубеет дальняя полоса воды. Первое море на нашем пути. И море это создано руками человека.

— Искупаться бы... Да, это было бы очень приятно. Горюче солнце в этих краях! В кабине дышит. Красный столбик термометра переполз за трибунку. Мы сидим без рубаш.

А вот и сама легендарная Каховка. Ровные кварталы кварталов. В центре площадь, большое здание с колоннами — наверное, Дом культуры. А дальше обета в гранит набережная, суда и причалы, белые барашки волн.

И это старая Каховка... Какой же красивой должна быть в гранит набережная, суда и причалы, белые барашки волн. Какой же красивой должна быть в гранит набережная, суда и причалы, белые барашки волн. Какой же красивой должна быть в гранит набережная, суда и причалы, белые барашки волн.

Какой же красивой должна быть в гранит набережная, суда и причалы, белые барашки волн. Какой же красивой должна быть в гранит набережная, суда и причалы, белые барашки волн.

Он попросил довести его до Красноперекоски. Гость явно расширяет от желания побывать у наших. Устроившись в пилотской кабине рядом с Кашкиным, он внимательно рассматривает приборы, о чем-то расспрашивает нашего пилота.

Чем ближе подлетает им к Красноперекоску, тем заметнее перемены под крылом самолета. Все реже и реже попадаются пыльные поля. Равнина становится все однообразнее и пушистее. И вот под нами уже содал серая степь с белыми пропелливыми солончаками.

Неожиданно удаляется что-то новое в гуде мото-

ров. Он как будто стал тише. Слово по звуговору слышим на правый двигатель. Вылет его неподвижен. Тревожно переждаемся. Что случилось? Вышел из строя? Ну, сейчас начнется! Одно утешает — рядом наш ровень, как стол. Можно будет спланировать и сесть.

«Пилеж», однако, как ни в чем не бывало продолжает полет. Мигнет лишь она идет на одном левом моторе, потом снова начинает работать и правый.

— Испугались? — оборачивается к нам сморщенный Кашкин. И тут все становится ясно: это он «показывал» «Пилежу» своему коллеге.

Красноперекоск винниривает извне горизонтально, словно до этого он нарочно прятался где-то в степи. Садится на маленькую площадку около длинной каменного забора. Весь он обвешан людьми. Они спрыгивают на землю, бежут к машине.

Знакомимся, расспрашиваем, отвечаем на град вопросов. Оказываются, мы попали туда, куда нужно. За забором главная база строительства Северо-Крымского канала, а люди, которые выстроили нас, — его строители...

В беседах с рабочими, в хождении по строящимся площадкам проходит день. Вечером «Пилеж» снова поднимается в воздух и берет курс на Каховку. Там машина дозарывается, мы перемчим и полетим дальше. Теперь уже прямо на восток.

На борту самолета карта Северо-Крымского канала. Приняв подарок кривокосящей, строители вручили ее нам и, узнав, что мы будем в Грузии, попросили передать сотрудникам Института геофизики в Тбилиси.

Мы заняты общим делом — преобразованием природы, — сказали они. Пусть ученые прийдт наш подарок как пожелание новых успехов в их большой и нужной работе.

Сноп пшеницы, модель луноуноса, и вот карта... Людьми обменяются веточками, как символами трудовой солидарности, строители коммунизма. Эстафета продолжается.

Репортаж об этом участке перелета вела бригада специальных корреспондентов «Смелые» в составе В. Буты, В. Мишина, В. Сажина и Бор. Семенова

ИЗ БОРТОВОГО ЖУРНАЛА ПЕРЕЛета

зим мы из Крывого Рода. На полу кабины лежит модель члвчюноса.

Моего димостроителя поглядывает модель в подарок строителям Северо-Крымского канала, к которым направляется наш самолет. Этой своей трудовой веточкой комсомольцы, окружающие в подарок XXII съезду партии новую доменную печь, как бы говорят: вот металл, он необходим на-

Рисунки А. БАБАНОВСКОГО
и Г. НОВОЖИЛОВА.

ВЗВЕША ЧЕРВЯКА

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Продолжение. Начало см. в № 17.

За обедом Мунций сообщил Волгину, что вынужден покинуть его на долгое время.

— Меня привлекают на Марс— сказал он таким тоном, как если бы речь шла о соседнем городе.— Там обнаружены два подземных хранилища с вещами большой древности. Вероятно, это следы, оставленные первыми межпланетными экспедициями. А может быть, и еще более древними.

— То есть вы еще не были в древности?

— А разве вы еще не читали истории первого полета на Марс и Венеру?— спросил на вопрос ответил Мунций.

— Пока не читал. Я вообще еще не касался космических тем.

— Прочтите. В моей библиотеке есть хорошая книга на эту тему. Она называется «Пятая планета». Вы ее легко найдете и многое из нее узнаете.

— На сколько же времени вы улетаете, Мунций?

— Примерно на полгода. Кроме интереса самой предстоящей работы, меня привлекает на Марс желание увидеться с дочерью. Я ее давно не видел. Но если я вам нужен, Дмитрий...

— Нет, Мунций,— ответил Волгин,— как раз сегодня я решил прекратить свое затворничество. Довольно! Пусть ваши современники считают меня дикарем, но я иду в мир.

— И очень хорошо делаете. Никто не считает и не может считать вас дикарем. Я давно заметил эту странную идею, совершенно ошибочную. И меня и Люция она всегда удивляла.

— У вас была психология. Сколько у вас детей?— спросил Волгин, круто меняя тему разговора.

— Один Люций.

— Но вы только что сказали...

— Что хочу увидеться с дочерью? Это жена Люция и мать Мэри. Она дорога мне, как родная дочь.

— Что она делает на Марсе?

— Эра работает в очистительном отряде. Их база находится на Марсе. Она там уже два года.

— Ее зовут Эра?

— Да. Это вас удивляет?

— Нет. Я уже привык к разнообразию ваших имен. Сколько ей лет?

— Восемьдесят два. Вы же знаете, Дмитрий, что у нас этот возраст соответствует вашим тридцати годам. Человек чувствует себя так же. Волгин кивнул головой. Он знал о долголетию современных людей и их длительной молодости, но никак не мог привыкнуть к мысли об этом.

4

По тому, как обрадовался Люций, узнав о решении своего сына, по восторгу, с которым принял его приглашение прилететь в дом Мунция Мэри и Владимир, Волгин почувствовал, а каким огромным нетерпением ждал этого события. Мунций был прав: вся Земля хотела видеть Волгина.

— Я боюсь войти в мир,— сказал Волгин,— но твердо решил сделать этот шаг.

— Правильное решение,— ответил Ио.— Вы могли бы сидеть взаперти еще год, но все равно пришлось бы знакомиться с жизнью в гуща самой жизни. Иного пути нет.

— Говорите мне «ты»,— попросил Волгин.— Мне это будет приятно. И вы тоже,— обратился он к Мэри и Владимиру.

— Только в том случае, если вы поступите так же,— улыбнулся Ио.— Люций считает вас своим сыном. Я много старше его— считайте меня вашего дедом. А Мэри— ваша сестра.

— А в буду вашим братом,— сказал Владимир.— Таким братом,— поправился он, и Волгина поразила необычайно красивый, глубокий тембр его голоса.

Он и раньше замечал, что голос Владилена отличается от других голосов чистотой и особенным, своим металлическим звуком.

— Мне кажется, что ты очень хорошо поешь,— сказал Волгин.

— Владимир,— ответил Люций,— один из лучших певцов нашего времени. У него радий по красоте и силе голоса.

— Но ведь он астроном!

— Ну и что из этого?— Владимир искренне удивился.— Разве астрономы не могут петь?

— Я понимаю Дмитрия,— сказал Мунций.— Тебя удивляет, что Вла-

дилен, обладая таким голосом, не профессиональный певец, не правды ли?

— Да.

— Он не исключение, а скорее правило. В свое время люди ходили в театр, расположенный в городе, где они жили. Городов было много, а театров еще больше. Артисты были разными— одни более талантливы, другие менее. Большие таланты жили в больших городах, и тем, кто жил вдали от них, приходилось довольствоваться менее талантливыми исполнением. У нас положение совсем иное. Зрители, будь это опера или драматический спектакль, исполняются лучшими силами планеты. И каждый может увидеть и прослушать любую постановку в любое время. Это привело к тому, что многие, такие, как Владимир, исполняют ту или иную партию один раз. И, естественно, искусство не заполняет их жизнь. У них есть другая любимая профессия.

— Значит, у вас нет театров?

— Есть. Их много. Непосредственное общение артистов со зрителем необходимо. У нас есть профессиональные исполнители, которые полностью живут в искусстве. Но их выступления не увлекательны. Иное дело— Владимир и другие особо одаренные. Они исполняют то, что остается на века. Это уже не театр в обычном понимании.

— Могу я услышать тебя?— обратился Волгин к Владилену.

— Как только захочешь. Я исполнил около восемнадцати ролей в двадцати операх. Прослушай любую. А если у тебя появится такой же талант, то я буду петь только для тебя. Для дуэтов возьмем Мэри.

— Но когда поете?

— Почему «когда»?— засмеялась девушка.

— По ошибке,— серьезно сказала Волгин.— Больше я не буду. Так ты тоже поешь?

— Я не могу равняться с Владиленом,— ответила Мэри.— Но, если он будет петь аполлоно, постараюсь не слишком мешать ему.

— Откуда узнаешь,— сказал Люций.— Где ты думаешь жить первое время?

— Мне все равно.

— Весь мир к твоим услугам.

— Я знаю это. Я хотел бы увидеть сперва этот самый мир.

— Ты хочешь облететь всю Землю?

— Если это возможно.

— Почему же нет? Мне очень жаль, но я не могу сопроводить тебя. На моих руках сейчас находится большая и ответственная работа.

— А мы на что?— вмешался Мэри.— Владимир сейчас не занят, и я свободна. Если Дмитрий не возражает...

— Волгин протянул к ним обе руки.

— Лучшего я не мог и желать,— сказал он с чувством.

— Когда же мы отправимся?— спросил Владимир.

— Как только проведом Мунция.

— Это будет не так скоро,— возразил Мунций.— Я буду еще занят на Земле. Не ждите меня и начинайте завтра.

— Тебя,— поправил Мунций.— Я вернусь через шесть месяцев. А если ты очень соскучишься, прилетай к нам на Марс.

— Ну уж, на Марс— это слишком,— сказал Волгин.

Ему давно было слышать такое приглашение. Межпланетный полет казался ему чем-то волшебным, недоступным простому смертному. Он не мог смотреть на это так спокойно, как его собеседник, для которого полет к соседним планетам был привычным и обыденным делом.

Волгин знал, что Мунций двадцать семь раз покидал Землю, что Владимир, несмотря на молодость, вдоль и поперек изобродил аса солнечную систему, что даже Мэри успела два раза побывать на Марсе и один раз на Венере, не считая Луны, которая людям тридцать девятью веками была известна так же хорошо, как сама Земля, и считалась чем-то вроде окраины земного шара.

— Марс— это уже слишком,— повторил он.

Никто не улыбнулся. Собеседники Волгина понимали его, પણа может, лучше, чем он сам понимал себя. Но и они не нахлыли сразу, что ответить этому человеку, представлению и взглядам которого сформировались в безмерной мере времени.

Женская чуткость Мэри подсказала ей правильный тон.

— Хочешь увидеться с моей матерью?— спросила она.— Мама на Марсе, и я знаю, что она очень хочет познакомиться с тобой. Так же, как и все. Но мне будет приятно, если она окажется первой.

— А это возможно? — спросил Волгин.

Замечательная идея — встретиться с человеком, находящимся в миллионах километров от Земли, уловка его своей сказочности.

— На марсианской базе установлен телефон.

— Если так, я буду рад этому свиданию.

— Тогда я сейчас сообщу на станцию, и нам дадут Марс. — И с этими словами Мэри подошла к телефону.

«Нушкин! — подумал Волгин, — эта женщина там, на Марсе, увидит меня и сама появится передо мной так же, как до сих пор появлялся Люций»

Все получилось совершенно так же.

Было около полудня. Но вот Мэри пригласила Волгина к сесте в кресло. В центре диска уже горела красная точка.

— Тебе повезло, — сказала Мэри. — Мама была на базе, и не пришлось долго ждать. Вызывай ее сам.

Волгин нерешительно протянул руку. То, что должно было произойти сейчас, казалось невероятным и еще более загадочным, чем раньше. Почему именно теперь, красная, а не зеленая, как всегда? — спросил он, стараясь выиграть время и успокоиться.

— Потому что эта связь не земная, а межпланетная, — ответил Люций.

— Какое расстояние от Земли до Марса в данный момент?

— Примерно девятьсот миллионов километров, — тотчас же ответил Владимир.

— Связь идет со скоростью света, — заметил Волгин. — Значит, придется ждать минут десять?

— Совсем не придется ждать. Связь уже установлена, и Эра уже увидела Люция. — Эра сказала Волгину. — Ты увидишь ее сразу. А она увидит тебя только через пять минут.

— Наименый жень! — сказала Мэри. — Мама ждет.

Волгин нажал на красную точку.

К появлению человека в кресле он уже присмотрелся и привык к нему, но сейчас он испытывал особое чувство. На его сознание давила чуждость расстояния.

Ведь эта женщина БЫЛА НА МАРСЕ! В первое мгновение ему показалось, что перед ним появился Мэри, так поразительно было сходство матери с дочерью. Но потом он заметил разницу в возрасте. Но все же женщина выглядела слишком молодой.

«Восемьдесят лет, немиссимо!» — мелькнула у него мысль.

— Мама, — сказала Мэри, — перед тобой Дмитрий Волгин. Он решил покинуть дом Мунция и прийти к людям. Я попросила его увидеться с тобой первой.

Женщина в кресле улыбнулась. Она смотрела прямо на Волгина, и он вспоминал, что никого другого она и не увидит во время этого разговора, хотя ее саму видели все находящиеся в комнате у телефона.

Ему только что сказали, что Эра увидит его и услышит то, что здесь говорится, только через пять минут. Значит, все улыбка случайно сослезла с ее губ. Она улыбалась, зная, что ее уже видят, и эта улыбка относилась не к нему, а просто к любому, кто мог вызывать ее. Вероятно, она думала, что с ней хочет говорить Люций или Мэри.

— Говори! — шепнула Мэри.

— Я очень рад видеть вас, — начал Волгин. Его голос был скван волнами. — Люций считает вас своим сыном, а Мэри — братом. Значит, я могу называть вас матерью. Прошу вас относиться ко мне, как к сыну...

Он беспомощно оглянулся на Мэри, словно просил его подсказать, что говорить дальше. Если бы эта женщина находилась здесь, в этой комнате, он взял бы ее руку, и слова вышли бы сами собой. Но такой разговор, черт побери, бездну трансформации, когда между вопросом и ответом должно было пройти десять минут, лишил его душевного равновесия, мешал собраться с мыслями.

Присутствующие поняли его и пришли на помощь.

— Нравится тебе моя мама! — спросила Мэри.

Волгин улыбнулся. Он совсем не смущался. Он понимал, что эти слова Эра также услышит... через две минуты.

— Эра очень похожа на тебя, — сказал он. — Вернее, ты похожа на нее. И она кажется мне не твоей матерью, а старшей сестрой.

Все рассмеялись.

— Как тебе это понравится, мама! — спросила Мэри.

Она совлела с изображением матерки так, как если бы та была действительно здесь, настолько не смущаясь разделяющим их исполинским расстоянием.

Люди всегда воспринимают условия жизни, в которых они родились, как обыденность, не представляя себе возможности иного условия. Все, что ей окружает с детства, кажется ей само собой разумеющимся. Так и здесь не составляло исключения. Восхищаясь тем, что ему удавалось достигать человеческого генезиса, восторгаясь новым изобретениями и открытиями, но то, что появилось до них, уже никогда не вызовало удивления или восторга. Людям кажется, что так и должно быть.

То, что родился в конце двадцатого века, постепенно привыкает к электрическому освещению, телефонам, радио, телевизорам, самолетам, а потом и к межпланетным ракетам. Но те, кто появился на свет во второй половине двадцатого века, принимали все это как должное.

Телефон находился в доме, где жила Мэри, с тех пор, как она себя помнила. Учась в школе, она могла восторгаться заключенной в телефонной кабине женщиной, могла даже изумиться гению людей, создавших его, но она никогда не могла смотреть на телефон так, как смотрел на него Волгин. Телефоны не слыхом привычен для нее.

Волгин понимал это и не удивлялся повседневно доушкин. Пять минут прошло.

— Ты здесь, как сказано, затушевала на Марсе. Но как реагирувала на это Эра, Волгин мог увидеть только еще через пять минут.

А затем он услышит ее ответ.

Он внимательно рассматривал свою «восьмидесятилетнюю».

Эра была одета не в обычный костюм. Плотный кожанный комбинезон

плоско сидел на ней. В руках она держала шлем, очевидно, только что снятый с головы. Золотистые волосы свободно падали ей на плечи.

Мунций говорил правду: Эра никак нельзя было дать больше тридцати лет.

Шлем привлек к себе внимание Волгина. Было ясно, что, надевший на голову, он закрывает ее целиком. Напротив глаз помещалась прозрачная линза.

Астрономия всегда была для Волгина далекой и отвлеченной наукой. Но все же он кое-что знал. Он читал или слышал, что атмосфера Марса считалась астрономами его времени негодной для свободного дыхания. И было ясно, что если бы Эра покинула планету, не изменив состава этой атмосферы. Она осталась той же, и находиться вне базы можно было только в специальном шлеме, очевидно, снабженном кислородным прибором.

Раздавшийся в комнате неземной голос отвлел Волгина от его мысли.

— Мунция! — позвал Волгин.

Я рада, дорогой Дмитрий, что вы вступили в нашу семью. Спасибо, что вызвали меня и дали мне возможность увидеть вас. Надеюсь в скором времени вернуться на Землю и тогда обниму вас, как сына.

Думаю, что вернусь вместе с отцом.

— Мэри сказала, что вы решили войти в мир. Это хорошо. Советую вам немного попутешествовать и ознакомиться с жизнью людей. Уверена, что вам понравится у нас. Возьмите с собой Мэри. А теперь я попрошу васступить ей место. Я хочу взглянуть на нее.

5

Если взять неграмотного человека, никогда ничему не учившегося, прожившего всю жизнь в самом глухом уголке земного шара, а затем от цивилизации, и показать ему телевизор двадцатого века в действии, то людям, находящимся в возрасте такого человека, очень трудно будет объяснить ему, почему в девятнадцатом веке люди носили плащеты, не изменили состава этой атмосферы. Она осталась той же, и находиться вне базы можно было только в специальном шлеме, очевидно, снабженном кислородным прибором.

«Мунция! — позвал Волгин.

— Мэри сказала, что вы решили войти в мир. Это хорошо. Советую вам немного попутешествовать и ознакомиться с жизнью людей. Уверена, что вам понравится у нас. Возьмите с собой Мэри. А теперь я попрошу васступить ей место. Я хочу взглянуть на нее.

«Мунция! — позвал Волгин.

— Мэри сказала, что вы решили войти в мир. Это хорошо. Советую вам немного попутешествовать и ознакомиться с жизнью людей. Уверена, что вам понравится у нас. Возьмите с собой Мэри. А теперь я попрошу васступить ей место. Я хочу взглянуть на нее.

«Мунция! — позвал Волгин.

— Мэри сказала, что вы решили войти в мир. Это хорошо. Советую вам немного попутешествовать и ознакомиться с жизнью людей. Уверена, что вам понравится у нас. Возьмите с собой Мэри. А теперь я попрошу васступить ей место. Я хочу взглянуть на нее.

«Мунция! — позвал Волгин.

— Мэри сказала, что вы решили войти в мир. Это хорошо. Советую вам немного попутешествовать и ознакомиться с жизнью людей. Уверена, что вам понравится у нас. Возьмите с собой Мэри. А теперь я попрошу васступить ей место. Я хочу взглянуть на нее.

«Мунция! — позвал Волгин.

— Мэри сказала, что вы решили войти в мир. Это хорошо. Советую вам немного попутешествовать и ознакомиться с жизнью людей. Уверена, что вам понравится у нас. Возьмите с собой Мэри. А теперь я попрошу васступить ей место. Я хочу взглянуть на нее.

«Мунция! — позвал Волгин.

— Мэри сказала, что вы решили войти в мир. Это хорошо. Советую вам немного попутешествовать и ознакомиться с жизнью людей. Уверена, что вам понравится у нас. Возьмите с собой Мэри. А теперь я попрошу васступить ей место. Я хочу взглянуть на нее.

«Мунция! — позвал Волгин.

— Мэри сказала, что вы решили войти в мир. Это хорошо. Советую вам немного попутешествовать и ознакомиться с жизнью людей. Уверена, что вам понравится у нас. Возьмите с собой Мэри. А теперь я попрошу васступить ей место. Я хочу взглянуть на нее.

«Мунция! — позвал Волгин.

— Мэри сказала, что вы решили войти в мир. Это хорошо. Советую вам немного попутешествовать и ознакомиться с жизнью людей. Уверена, что вам понравится у нас. Возьмите с собой Мэри. А теперь я попрошу васступить ей место. Я хочу взглянуть на нее.

«Мунция! — позвал Волгин.

— Мэри сказала, что вы решили войти в мир. Это хорошо. Советую вам немного попутешествовать и ознакомиться с жизнью людей. Уверена, что вам понравится у нас. Возьмите с собой Мэри. А теперь я попрошу васступить ей место. Я хочу взглянуть на нее.

«Мунция! — позвал Волгин.

— Мэри сказала, что вы решили войти в мир. Это хорошо. Советую вам немного попутешествовать и ознакомиться с жизнью людей. Уверена, что вам понравится у нас. Возьмите с собой Мэри. А теперь я попрошу васступить ей место. Я хочу взглянуть на нее.

«Мунция! — позвал Волгин.

— Мэри сказала, что вы решили войти в мир. Это хорошо. Советую вам немного попутешествовать и ознакомиться с жизнью людей. Уверена, что вам понравится у нас. Возьмите с собой Мэри. А теперь я попрошу васступить ей место. Я хочу взглянуть на нее.

«Мунция! — позвал Волгин.

— Мэри сказала, что вы решили войти в мир. Это хорошо. Советую вам немного попутешествовать и ознакомиться с жизнью людей. Уверена, что вам понравится у нас. Возьмите с собой Мэри. А теперь я попрошу васступить ей место. Я хочу взглянуть на нее.

прямо кровное родство, разница между ними в весе и качестве мозга оказалась бы огромной. «Разрыв во времени» выступил бы тогда с полной очевидностью.

Волгин был образованным человеком и всю жизнь прожил в больших городах, где сосредоточивалась наука и техника его века. Но в сравнении с окружающими его теперь людьми он был человеком отсталым и, в сущности, неграмотным. Понять, например, действие телефона было ему так же трудно, как в двадцатом веке человеку из деревни Южной Америки понять действие телевизора.

Волгин понимал это или думал, что понимает, и не требовал объяснений, которых никто не мог дать ему. Он считал, что дело во времени. Он будет учиться с самого начала и постепенно все поймет. Это казалось ему очевидным и не вызвало никаких сомнений.

К счастью для него. Приступать к занятиям сейчас не было времени. Его ждали совсем другие уроки: надо было изучать жизнь современного общества. И эта «наука» казалась ему более важной и более нужной.

Так получилось, само собой, и это опять-таки было великим счастьем для Волгина, хотя он сам не сознавал еще всей важности и спасительности этого факта.

Горькое разочарование, неизбежное в будущем, еще не наступило. Было удивительно, что Мунций, несмотря на весь свой богатый жизненный опыт, до сих пор не понял, что для Волгина наука тридцать девятого века была недоступна, и искренне уверал его, что дело только во времени и в нем самом. Но для Люция и Ио все стало давно ясным. И они с трепетом думали о том времени, когда Волгин поймет свое положение, осознает, что обречен навсегда остаться в стороне от жизни, ставшей ему современной, и вынужден будет ограничиться ролью пассивного наблюдателя.

Им самим такое положение было бы непереносимым. Как отнесется к нему Волгин? Не станет ли это большей трагедией, чем та, которой они опасались перед оживлением Волгина? Не здесь ли таилась опасность одиночества, о которой так настойчиво предупреждал их Мунций?

Они с ужасом думали, что старый историк может оказаться прав в конечном итоге и горчо любимый ими Дмитрий Волгин окажется лицом к лицу с жестокой трагедией. И они неслучайно обрадовались, когда узнали, что Волгин изменил свое первоначальное решение войти в мир только после окончания «образования» и решил осмотреть Землю и познакомиться с людьми. Благодарное влияние такого знакомства, новые и сильные впечатления должны были ослабить предстоящий удар. И уже сейчас Ио и Люция обдумывали, чем занять Волгина после его возвращения, куда и как направить его внимание, чтобы отвлечь от мысли вернуться к книгам. Хотя бы на несколько лет, дальше будет легче.

В глубине души они лепетали надежду, что Волгин так и останется в неведении.

Но здесь они ошибались.

Волгин часто думал о своем будущем. От Люция он знал, что предстоит очень долго. Не так долго, как живут сейчас другие люди, но все же жить значительно дольше, чем он мог прожить в первой жизни. И вопрос, чем заполнить эту жизнь, беспокоил его постоянно. Он всегда был человеком деятельным и был уверен в том, что эти свойства его характера вернутся к нему, когда он привыкнет ко всему, что его окружает.

Что же он будет делать тогда?

Профессия юриста не существовала на Земле. Надо было приобрести новую. А для этого было или путь — учиться, и Волгин твердо решил

приступить к учению как можно скорее. Как только вернется домой из кругосветного путешествия.

Стоять в стороне и быть только наблюдателем жизни, не принося никакой пользы людям, было для него совершенно невозможным.

Он хотел жить полной жизнью, такой же, какой была его новая современность.

Он хотел просвятить себя творческому труду, еще не представляя себе с полной ясностью глубину пропасти, которую намеревался преодолеть. Ему еще казалось, что разница между его прежним вкусом и нынешним только количественная: люди больше знают и больше умеют. Изменений качественных он не принимал во внимание.

В прежней жизни коммунист Волгин изучал труды классиков марксизма-ленинизма и знал основные черты будущего коммунистического общества на Земле. Он понимал, что любой труд при коммунизме является трудом творческим и что человек, чем бы он ни занимался, приносит равную пользу людям. Но сложный и длительный процесс постепенного изменения психологии людей и их отношения к труду прошел мимо него. Его психика оставалась психикой человека двадцатого века. И понимание ценности того или иного труда было на том же уровне, как и прежде.

Человек тридцать девятого века мог всю жизнь заниматься наиболее простым трудом, не требующим больших способностей, испытывая творческое наслаждение и получая полное удовлетворение от сознания приносимой пользы. Мысль, что один труд более ценен, чем другой, не могла прийти ему в голову. Каждое дело, которым он занимался, было одинаково ценным и одинаково полезным.

Люди давно забыли об оплате труда в зависимости от его качества. Уже полторы тысячи лет на Земле не существовало никаких денег или иных эквивалентов человеческого труда. Чем бы ни занимался человек, он получал от общества все, что было ему нужно. Так происходило из века в век, и люди перестали замечать какую-либо разницу в исполняемой работе. Член Верховного Совета науки и рядовой раскопчик археологической экспедиции, выдающийся инженер и строитель нового дома ничем не отличались друг от друга в смысле колотыли своего труда. Каждый имел право на все, что производилось силами всего общества.

Из поколения в поколение люди привыкали к такому положению вещей, оно казалось им естественным и единственно возможным. Иные отношения между людьми, о которых говорили как учителя в период начального обучения, воспринимались ими так же, как в двадцатом веке воспринимались отношения людей в Древнем Египте, или еще раньше. Они понимали возможность таких отношений, но только теоретически.

И психология людей тридцать девятого века имела мало общего с психологией людей двадцатого. Для них вопрос, мучивший Волгина — какую профессию выбрать, — звучал как бессмыслица. Человек должен заниматься тем, что ему нравится, тем, что ему по душе. А чем именно, абсолютно все равно.

Но Волгин думал иначе. Пойти на завод, стать в простейшей станку, исполнять почти автоматическую работу, не требующую от человека творческой (с его точки зрения) мысли, не казалось ему позорным: он привык уважать любой труд. — Но просто несовместимым с его исключительным положением в мире. Он думал, что достоинство и честь века, который он представлял здесь, в новом мире, требуют от него чего-то другого, чем быть безразличным винтиком общей машины. Подсознательно он хотел доказать, что человек двадцатого века способен ко всему, что могли делать люди теперь.

Архимед был великим, гениальным ученым, но очутившись в двадцать-

том веке, не смог бы стать даже учителем физики в начальной школе. Ньютон появился бы в тридцать девятом веке неучем.

Волгин не хотел понять этого, он даже не думал о таких сравнениях. Он сам не был не только ученым, но даже и инженером, но, несмотря на это, намеревался одним скачком одолеть бесчисленные ступени, по которым с затратой огромного труда прошла наука Земли за девяносто пять веков.

И это происходило не потому, что Волгин был глуп или самоуверен, а только потому, что он судил по мерке своего века и не знал еще качественных изменений в науке и технике, видел и понимал только количественные. Если бы знания людей изменились только количественно, Волгин осуществил бы свое намерение, с большим трудом, но достиг бы уровня знаний нового века. Но он не мог еще понять (слишком мало времени пробыл он в новом мире), что самое великое во всем людях стало иным, чем в его время, что за прошедшие века образовались и окрепли новые мозговые центры, качественно отличные от прежних. Колоссальное наследство веков мог вместить в себя мозг Ио, Люция и других людей, но не мог мозг Волгина. Он не обладал нужным для этого объемом и весом. Неудовольно все люди, окружающие Волгина, были выше, крупнее и массивнее его. Развившийся мозг потребовал много вместительности, голова стала крупнее, а за нею последовало и все тело. Новые современники Волгина отличались от прежних и умственно и физически.

Но Волгин еще не осознал этого.

С легким сердцем готовился он к предстоящей ему работе. С огромным интересом отправлялся он в свое путешествие, которое должно было послужить своеобразной зарядкой.

Внешние условия жизни нового общества, насколько он был знаком с ними, не смущали Волгина. За четыре месяца он привык к ним и почти перестал замечать. Он принимал их как факт. В этом сказывалась свойственная людям способность приспосабливаться к любым условиям и быстро приравниваться к ним. Не понимая, на чем основаны комфорт и удобства окружающей его жизни, Волгин пользовался ими как чем-то само собой разумеющимся. Он даже научился управлять биотоками своего мозга, научился бессознательно, как научаются дети двигать руками и ходить. И биотехника тридцать девятого века, по крайней мере в пределах ее применения в доме Мунция, безотказно подчинялась ему, потому что была очень проста.

В первое время, подходя к двери и невольно желая, чтобы она открылась перед ним, Волгин каждый раз вздрагивал, когда дверь дей-

ствительно открывался. Теперь он не обращал на это внимания. Ему никто не объяснял, как именно надо привести в действие невидимый механизм; это пришло само собой и быстро превратилось в условный рефлекс. Подходя к двери или наклоняясь к краю, чтобы умыться, он не думал о том, что дверь должна открыться, а вода потечь. Он просто ждал этого, даже не считая своего желания. И возникающий в его мозгу соответствующий желанию биоток улавливался скрытым в стене приемником, преобразовывался в другую энергию, способную по своей мощности произвести нужное действие, и вода текла, а дверь открывалась.

И это уже не казалось ему странным, а наоборот, естественным, хотя пока и непонятным.

Но достигнув своей первоначальной цели, Волгин все же был достаточно подготовлен к тому, чтобы ориентироваться в ожидаемом его мире и не поражаться на каждом шагу тому, что увидит в нем.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

— Ты наметишь себе какой-нибудь маршрут? — спросил Владимир.

— Да... ответил Волгин. — Я не ставлю целью обойти все континенты Земли. Это можно будет сделать впоследствии. А сейчас я хочу прежде всего побывать на моей родине, там, где раньше находилась Россия, — пояснил он. — Я знаю, что Ленинград и Москва существуют. С них мы и начнем. Затем я хотел бы посетить место, где находилась моя могила (Волгин заметил, как Мэри вздрогнула при этом слове). Потом мы отправимся в Париж, посетим Нью-Йорк... Сан-Франциско, Япония... Он замолчал, его сознанием перегибались, и пояснил: — Была... такая страна на востоке Азии. Как она называется сейчас, я не знаю. И через Сибирь... Ну, как же сказать вам? Через Азию, что ли, отправимся в Египет... И этого слова вы не знаете?

— Нет, почему нет? — ответил Владимир. — Мы учили древнюю географию Земли, Сибирь, Египет — теперь в воспоминании. Ты так легко прощаешь эти названия! Из тебя мог бы получиться замечательный лектор по древней географии.

Волгин рассмеялся.

— Я намерен избрать другую профессию, — сказал он. — После Египта мы вернемся сюда. Вот и все. Остальное меня пока не так интересует.

— Этот путь займет немалое время, — сказала Мэри. Она помнила просвет своего отца: задержать Волгина как можно дольше в его путешествии. Но сам Волгин, по-видимому, не собирался задерживаться. — На Земле много интересных для тебя мест, кроме тех, которые ты назвал. Ты не учишь-вещаешь современных средств передвижения. Арелет будет переносить нас с большой скоростью.

— Но в каждом новом месте мы будем задерживаться на неопределенное время, — возразил Волгин. — С теми городами, которые я назвал, я буду знакомиться основательно. Так что мы вернемся не столь уж скоро.

— Как хочешь, — сказал Владимир.

Он тоже знал о просьбе Волгина, который объяснял ему мотивы этой просьбы. Но что они могли сделать? Волгин высказал свое желание достаточно определенно. Оставалась надежда, что в пути он передумает.

«Его увлечет путешествие, и он захочет увидеть больше», — думала Мэри.

Стаял был назначен на следующий день утром. Трехместный арелет, красивого темно-вишневого цвета, изысканный и отделанный, как игрушка, уже стоял у дома, перед верандой. Человек, доставивший его по просьбе Лоджи, не спрашивая никого, взял один из арелетов Мунция и улетел обратно, как будто не обратил никакого внимания на Волгина. Вероятно, он думал, что Волгину еще не решила война в мир. Бесцеремонность этого человека, без спроса воспользовавшегося чужим имуществом, удивила Волгина, но он ничего не сказал никому и не задал напрашивавшегося вопроса. Вероятно, так поступали все. У Мунция было три арелета, ему самому мог быть нужен только один, но ведь Мунция жил с другими людьми, например, с Волгиным. Прилетающий человек не мог знать, сколько арелетов нужно иметь обитателям дома, он должен был спросить, но не делал этого.

Здесь проявлялась одна из черт современной жизни, незнакомая Волгину, и он думал об этом, стараясь понять. В конце концов он пришел к убеждению, что все дело заключалось в том, что Лоджий, прося доставить арелет, ничего не сказал о способе для доставшего вернуться обратно. Из этого тот делал вывод, что может воспользоваться арелетом хозяина дома, не спросив согласия этому хозяину. Не правдоподобно же Лоджий, что человек вернется пешком!

Впоследствии Волгин узнал, что правильно понял этот слухай.

Люди всегда и во всем думали о других, заботились о них, а не только о себе. И приважили к вниманию. В том, что любой человек, высказавший или иную просьбу, полагаться об исполнителе, никто не сомневался и даже не задумывался над этим. Так было всегда, на протяжении многих веков, и стало второй натурой человека. Так поступали все.

Волгин вспоминался накануне отлета и плохо спал ночью. Не в сферическом павильоне острова Кипр и не в доме Мунция, где он жил в одиночестве, начался его вторая жизнь. Она должна была начаться именно завтра, когда ничем не связанный, свободный, как птица, он вместе с миром полетит в небо. Но как это бросится в волны Средиземного моря. Но с морем он умел хорошо справляться, сумеет ли справиться с океаном жизни?

У него были любящие и верные друзья, на которых он мог опереться в первое время. Люди не дадут ему утонуть, научат, как надо плыть. И укажут правильное направление.

«Все будет хорошо», — подумал он, засыпая под самое утро.

Две настал ясный и безоблачный. Для Рызариэв это было обычным явлением, небо здесь редко мурлыло и прежде, но Волгин уже знал, что погода на всей земле зависела от расписания. Мощные станции погоды, разбросанные повсюду, регулировали облачность, осадки и температуру воздуха в зависимости от планов общественного хозяйства. Дождь шел в заранее назначенном месте в заранее назначенное время, ветер дул там и тогда, когда это предусматривалось необходимостью перегнать скопившиеся массы теплого или холодного воздуха на другое место. Такие явления, как град, внезапные заморозки или неожиданные оттепели, стали неизвестны людям. Ничто не мешало им. Каждый человек знал за год вперед, какая погода будет в том или ином месте в любой день. Даже отравлялся на простую прогулку, люди, заглянув в календарь погоды, могли узнать, что их ждет — холодо, тепло или ветер.

На всей земле климат был подвластен человеку. Лето и зима, весна и осень наступали в точно назначенный день и не зависели больше от капризов природы. Во многих местах, где раньше свирепствовали морозы, зима вообще не наступала. Она была привнесена в другие страны. И, наоборот, в некоторых местах, где раньше не было зимы, в зимние месяцы над сухой местностью свисали искусственные солнца. Они грели землю с силой, не уступающей летнему солнцу, и потугали на ночь, давая людям спокойно спать, а рано утром слышали свои глаза. Когда приходила естественная весна, эти солнца гасли, продолжая висеть в небе холодными шаром, или падавали на землю.

Все это казалось Волгину сказочным, но он знал, что современные люди не удовлетворялись достигнутым. Они видели недостатки там, где Волгину все представлялось совершенным. Он прослушал однажды лекцию какого-то ученого, предназначенную для учеников школ всей Земли, и узнал много интересного. Оказалось, что системы управления климатом устарели, что она должна совершенствоваться. Волгину было даже слышать, как лектор возмущался тем, что в двадцатом веке было далекой мечтой, совершенно тогда не осуществленной. Это было значимым явлением, порождающим привычку к достигнутому и возросшим знаниями, но звучало для него странно. Наибольший сюрприз ждал его в конце лекции. Не как фантастическую гипотезу, а в плане реальной возможности, что она должна осуществиться. Это был доклад из области научной мысли (это были подлинное слова лектора), ученый рассказывал слушателям о детально разработанном проекте... изменить земную орбиту, расстояние планеты от Солнца и угол наклона ее оси.

— Тогда, — сказал лектор, — сами собой отпадут многие затруднения станций погоды, уменьшатся затраты их энергии. Климат планеты в целом будет таким, какого мы сейчас достигли искусственно. Удивительно, как долго советские науки и техники не могут решить столь простого и ясного вопроса.

«Простой и ясный вопрос» — эти слова долго звучали в ушах Волгина.

Человек покинул Землю. Люди уже давно были хозяевами солнечной системы, почему же они не могли переделать «обстановку» в этом своем большом доме так, как хотели, как было для них удобней?

Просто и ясны Волгин улыбался, думая об этом, но в его мыслях царила путаница. Земля — это не стол, который можно перевернуть, куда угодно. И не здание, которое также можно перевернуть, используя землю как точку опоры. Но сама земля? На что опереться, чтобы перевернуть планету? Где взять точку опоры? Реактивные силы? Странно подумать, сколько энергии потребуется для такого «проекта» делал.

«Если переделка строения солнечной системы для нас — задача сегодняшнего дня», — думал Волгин, — то о чем же мечтают эти люди? Что является для них фантастикой?»

Частичный ответ на этот вопрос он получил от Мунция, которому рассказывал о своем путешествии.

«Я знаю об этом», — выступил, — сказал Мунция. — И считаю, что Иосиф (это нового зовут Иосифом) совершенно прав. Верховный Совет науки несколько раз обсуждал этот вопрос. Он осуществим, но большинство членов совета считает, что энергия нужна сейчас для других целей. Но проект, безусловно, будет осуществлен сравнительно скоро. Он обещает большие выгоды. Вы спрашиваете, о чем мечтают фантасты? Я редко читаю фантастическую литературу. В последние времена часто появляются произведения, посвященные переводу всей солнечной системы на другое место, выше пылевого слоя Галактики. Некоторые предлагают перенести Солнце с семьей его планет ближе к центральной области Галактики. Фантастика всегда является заданием науки. Но надо помнить, что это не фантастика, как о них думают.

Какой это Иосиф? — спросил Волгин. — Не тот, который был вашим противником в дискуссии об мне?

— Нет, другой. Вы защитник, — улыбнулся Мунция, — зимаик. Кстати, он часто спрашивает меня о вас. И, конечно, хочет встретиться с вами.

Продолжение следует.

ГЛОБУС

СЕНТЯБРЬ 1959

МЕЖДУНАРОДНАЯ ГАЗЕТА «СМЕСИ В»

Выходит
один раз в месяц
№ 9 (17)
Год издания 3-й

АВТОМОБИЛЬНЫЙ ТУННЕЛЬ ПОД МОНБЛАНОМ

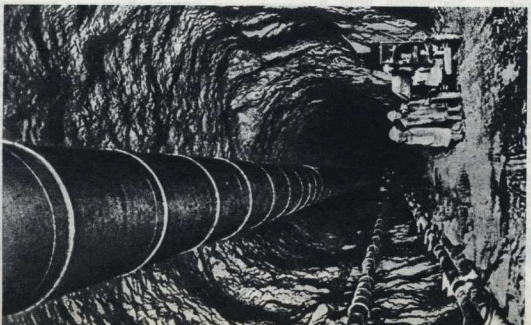
Всего около 7 километров проложено на строительстве туннеля, который торцов начали сооружать под Монбланом со стороны Италией еще в сентябре 1958 года, а с французской стороны — в мае 1959-го. По итальянской и французской туннелерозсечки должны были встретиться под горным массивом Монблан, но из-за того, что в настоящее время там, хотя, по мнению специалистов, геологические условия работ не представляют особых трудностей, проект строительства этого автомобильного туннеля (1,6 км), который должен быть проложен под Монбланом Францией и Италией, одобрен правительствами обеих стран еще в 1949 году. Такой туннель сулит огромные выгоды: он сразу же можно пропускать 300 тысяч автомобилей в день, для которых проложена Рим — Париж, проложенная под горным массивом, была бы гораздо

удобнее, нежели существующий путь через альпийские перевалы, открывающийся только в хорошую погоду или же 300-метровый обвал над рекой Ривьеру. Хотя в горах работает специальная машина с 15 бурями, способная за день прокладывать 10—12 метров туннеля, дела на строительстве идут далеко не блестяще.

Прежде всего оно задерживается из-за того, что в настоящее время в Альпийских горах не внесла своевременное работ — 9 миллиардов франков. Кроме того, горнорабочим приходится работать, потому что обстановка техники безопасности оставляет желать много лучшего. Затруднено сделать, что бы ни было, туннель строится на французской стороне строительства запрещено в общей сложности 600 несчастных случаев, из них 4 со смертельными исходами.

Убийца требует пенсию

Во времена Гитлера здравствования почтенный председатель Оборо расовой полтинник национал-социалистской партии сточной территории Эрих Ветцель. Имел даже ученого После войны, только с 1953 года, этот «здорово променял» в Ганновере и престоительно получил пенсию 1 км. бывший и доминирует правительство. В настоящее время, когда он был

Представлял себе, читатель, такой невольный случай. Вы представляете себе, что человек, водит его по ОАУ, посто чием с зарплатой, показывается изредка, а не только, исключая борит

Рука Венера?

Генеральный директор антических музеев Греции Димитриу скоро найдет в своем собрании ценное изделие — некое американским любительским фотографом скульптурное изображение женской руки рукой Венеры Милосской, которая хранится в Лувре. Эта рука найдена во руу греческого острова Милос. Брала несколько экземпляров, что она подлинная. Сейчас находка выставлена в музее острова Милос.

Шпаргалки и электроники

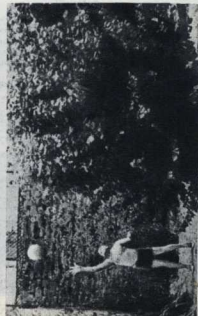
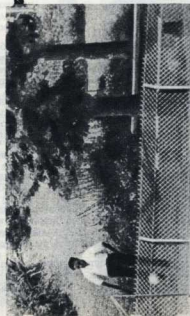
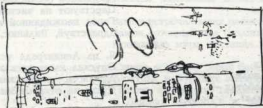
В греческом городе Салоники недавно было раскрыто по советам обличью преступника. В настоящее время в греческих университетах и в день, передавая вопросы, содержавшиеся в экзаменационных билетах сообщая одновременно исчерпывающие ответы на них. На поиски новинки распостранили были брошюры специальные комиссии и подлинники получили строгие указания. Опишоренно все экзаменаторы имели работы с ответами на работы, которые записывались и медленно доставлялись в университет. Это последнее мероприятие оправдало себя. Один из профессоров обличил автора шпаргалки, а кто сомневался о подлинности, установили автора работы, а кто сомневался о подлинности, установили. Оказалось, группа друзей абитуриента устроилась, с подругами на крыше соседнего дома. Содержимое экзаменационных билетов стало известно им благодаря подслулу одного экзаменатора. Но поскольку маруша не являлся вопросом, доставлявшихся из подпольных, они передавали друг другу копии вопросов, подготавливая абитуриента, то они были вооружены миниатюрными транзисторными приемниками.

Ваз и что поднимает от провалами античных мастеров со Ама моря лишь сформированы, чтобы полюбаваться на них, в морские вазы. Греческий ОАУ приговора мастеров

...и, пойдя в суд. В частности, доказательство, что законности претензии в суд. В октябре 1941 года он вместе с Эриксоном сочинил договор, чтобы ликвидировать арены на окупированных восточных территориях. Подало подвигнуть литовских детей специальному содержанию, согласно правилам расовых законов (национал-социализма). Возникнет вопрос: будет ли Ветцлер продолжать получать пенсию после представления на «французство в суд» Давьера, Бурда.

ПОКОРИТЕЛИ... ПОЖАРНОЙ КАЛАНЧИ

Как известно, Голландия — важная страна. Но и там существуют любители торжесто спорта. Голландские альпинисты за отсутствием походов своих отправились на пожарную каланчу в Аланды. Каланча высотой семьдесят с лишним метров с ее многочисленными решетчатыми балками и стропилами стала, выступила и расшаталась. Пожарные должны были вылезти наверх даже для тренировки, но по причине дождей для тренировки было невозможно. Горышки вершины: незначительная неосторожность при подъеме на эту своеобразную вершину может члиться трагически...

...де фидригеров чина, собираете дожде, выдале и преспокоенный скала... чина. Вы хитре-те что за ружье, возмущает. Ответ задало, что он еще не чинителъ вышло, что он знал все эти вещи, чтобы не допустить похолодания лица, завлекать, по словам. Вот напарник, недавно у греческих беретов появились кхты, принадлежащая американскому гражданству, человеку Линку. Как человек, он не знает, что такое факт? Человек приехал из Алабама Нового Света, чтоб влезать на скалозвоний Олман, потреть камин Пирсона, послушать шипот, дривных фонов, Линк вместе со своим сыном и сподчало вынатым образом занимался походами, а попорту томоя, кражей археологических ценностей у беретов. Линк обнукался на это в чинах американских морях латинских поселениях и извадела оттуда произведения витичных мастеров.

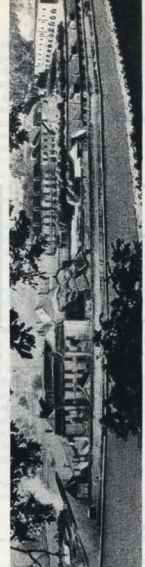
В ОДНОМ «ДОМЕ «ОТДЫХА»

Они отлучились вав, смотрят таллавоу сави, мучет прессу, занимают, кот, жем и любовница. Оперные повара уважен-чешскую фантазию, Вяна, Мериав мануется госу-для себе, ванных пре-создавать больше рече-ралы — «улыра», те са-пронаести переводот в Алиера и свернуть прасамые, которые роман-разов в Алмбир, чин солдат и офицеры про-Визерт.

«ЛЮБИТЕЛИ ИСКУССТВА»

Боршкун поймав на месте прегуливан. При обессе на кхты были талых греческих мастеров, в том числе исключительно красивая ефиро, оцененная в один миллион долларов. Однако не так-то легко было вывать этого этноса американца. Предствителям греческих ваяств он разве-но заявил, что он амбистов искусст-

А вот старший сфинцир Сан-Мари, ассистируий на 10 лет, наиболее шича, услужливо подает мени, который далеко за-ров его коллег.

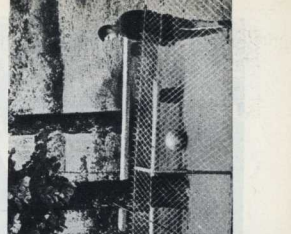

...отот откупался, шиксе 22 тысяч алмам.

Бес в этом месте было поставил, покуда выставил — справдательство восторжествовало. Все это так, но... Как сообщила Ливия, что метришер, после того, как Ливия была выставлена, он не только греческими властями, он не только вывел из Гречии, но, наоборот, выша принот в качестве почетного гражданина Эллиоского посла в Гречии Бранте. Эллиоского посла в Гречии, воемх широких слова греческой обществанности. А мистер Ливк жевет себе под сымо замком-полосе, что фелд и в ус не дует. Вот так мистер гости. Они отлучили поймают что греческое управление, покорно плетущееся в упряжке латвской коллешши, и пикнуть не пометет по ридакция к законам и общава ЭЛЛАМ.

Н. АВАЛОВ

Всего удержит, что еще поглотит... Вась их специальность... савари колониальной Франции Оверироу их, что плазуют предоставлен такой ком-сво отставимамиланские-рам Сопротивлении!

Владислав ШОШИН

ПЕРВЫЙ ГРОМ

ИЗ НОВОЙ КНИГИ

К сожалению, и в наше время на стихи бывает тоже своеобразная мода, как на узоры брони. Владислав Шошин никогда не был и не будет модным поэтом. Его стихи просты и непритязательны. Они обыкновенны. Но есть в этой традиционной обыкновенности глубина доброго поэтического сердца, та естественная заинтересованность миром человека и природы, которая позволяет в обыкновенных вещах находить поэзию.

Шошин не новичок в литературе: у него уже вышло два поэтических сборника: «Песни в пути» и «Солнце в серебристых тополях». Он печатал много литературно-критических статей, и в издательстве Академии наук СССР вышла его серьезная научная работа о творчестве Николая Тихонова.

Он весь в пути, он набирает и скорость и мастерство в этом живом «человеческом мире—море». Он умеет находить, видеть и выражать, говоря его словами, «расстояние от ножа врага до сердца друга».

И его стихи могут для многих быть настоящими друзьями и спутниками, потому что в них есть время, природа и душа, влюбленная в жизнь, говорящая естественным, свободным голосом.

Михаил ДУДИН

* * *

Слов любви я не скажу под крышей,
Дождю им лииться соробором.
Первый гром вчера из лесу вышел,
Ты его слышала, первый гром?

Вся земля признания раскаты
Слушала, дымные затылки,
Ландыши, как белые утятки,
Выбежали из-за желтых ив.

Слов любви я не скажу под крышей,
Дождю им лилиться соробором.
Первый гром вчера из лесу вышел,
Ты его слышала, первый гром?

ОХТА

Не голубым дымком воспоминаний
Мне выжге Охта с Выборгской видала —
Огнем зари со стекла новых зданий
Из каждого умытого окна.

Встанут по нитке новые кварталы,
Кран, как жираф, глядит через забор,
Травмай, снеха, отсчитывает шпалы,
И отстает от жизни светотвор.

Грузовикам успеть не просто к сроку,
Они спешат — не по сердцу простой,
И лобов щлос — стрелой к востоку,
Над ним сибирских ливневщик настой.

Смущен асфальтом рыжий жеребенок.
И валу отдают теперь ветра
Но рыльям, ружьям ритмичным воронкам —
Березам, в грунт опущенным вчера.

И нет иной мне родины на свете,
Мигнут мотыльком белые сады,
И в небе обалдела ясны, как дети,
А ведь они не первый век сады.

* * *

Звончат вода на болотах,
В струюку выткнулась тополя,
И весна до рассвета в заторах —
Как тебя ей украсить, земля?

Слишком долго в снегу не цвела ты,
Слишком тяжке был земный покой
Для тебя, для веселой, крылатой,
И сама ты не знаешь, — каковой.

По твоим поведением вышел
В океан родниковые льды,
И сверзали косынками вишни,
И кушнички встанут из воды.

Возле древнего гнида Воронич
Молодые поют снегиря,
И внасмешливый хохот вороний
Соловьиный не гасит зари.

Друта дальнего кланят зегиня,
Тучи тают, по небу скользя...
В чьих глазах это все отразится,
В те глаза не влюбиться желать!

* * *

Это в памяти будет вечно —
Вильямс праздничным окном,
Вечер синий и смех сердечный,
Снег зашвырял в саду твою.

Наших весел совместный росчерк,
Соловы вдоль лесных дорог,
Одинокий колодец в роще,
Что прохладу тебе сберег.

Все мы ждем откровенной встречи,
Чтобы грусть и сомненья прочь,
Что ж, легко уклоняя плечи,
От меня ты уходила в ночь?

И кому я отдаю все это —
Яблово цвет и грачный гам,
Эти ландыши, в час рассвета
Выбегашащие к ногам?

ВИЛЬЮС

Дворников бесчисленных отряды
Царствуют на чистой мостовой,
Город неожиданной отряды,
Здравствуй, Вильюс, я сегодня твой.

Я, из Ленинграда уезжая,
Опускала глаза тоскливо вниз,
Думалась — нерусская, чужая,
Аулу не откроет мне Нерис.

Все не так, все просто так, как надо,
Ты дарил мне радость ясно жить,
Были Гедининой громада
Будет эта радость сторожить.

Радость открывать рассвету рамы,
Золотое пить его вино,
Вспоминать о девушке упрямой,
Город, как в Литве заведено.

Пусть разведет нас вечер синий,
Наши снова встретятся пути,
От меня ей не уйти отныне,
Как я от нее мне не уйти.

Ветер от литовского жасмина
Ладожская встретит сторона,
Звездочка над башней Гединина
Будет мне и с Севера видна.

Тополиный белый пух,
Дым костра, что не потух,
Соловьиных рощ прибой
К жизни вызваны тобой.

Этот синий небосклон —
Он тобой одушевлен,
Эта бойкая река
Твоей радостью звонка.

Будут в памяти ясны
Даки пыневшей весны,
Все вальшие ее —
Лишь дыхание твоё!

Сосенка сбежала с косягора,
Жадно ловит чистую струю,
Синие литовские озера,
Подтвердите искренность мою.

Сашком долго я сучала напрасно
В четырех стенах из пылаемых книг,
Как же мне не пить душою ясной
Балтики нетронутый родник?

Что ж ты улыбешься, не веря
Сосенке, что машет вам рукой?
Знала я неудачи и потери,
Но не знала я радости такой.

Березоньки, березки,
Тревожная листва,
Не спихай вас на доски,
Не срубят на дрова.
Оставят, чтоб гостила
У вышек ног весна,
Чтоб вояла нас густола
Веселая одна.
Я имена не знаю,
Не помню цвета глаз,
Она когда-то в мае
Мне сидела в звездный час.
Когда над ней в зевиге
Проснутся журавли,
Меня вы вспомните,
Покалечте издала.

Я запомню мосты и клеаны,
И аулы, и тузину грав,
Руту, руту, цветок зеленый,
Вечно памятный знак Литвы.

Знах доверья, и дружбы нашей,
И любви — и об этом речь,
И долама Тракая на струже
Наших завтрашних встанут встреч

Мы по праву честных и сильных
Вглянемся в будущее ясей.
Всада за светом автовыбальных,
Прорезающих ночь отвы.

Пусть разлука смуглит готова,
Ты поверить ей не спеши:
Наша лодка вернется снова
В прибережные камыши.

Вагоны двинулись нескорю,
Нерасторопны и тихи,
Как грусть березы белокорой
Среди лесщины и ольхи.
Вагоны двинулись, и слова
Остановились вдруг состав,
Как будто ласковое слово,
Прощальное не досказав,
Прощальное холмам зеленым,
Где свет, как дети, валуны,
Где ясны не грустит по клеану,
Затем что не разулены,
Прощальное лесным озерам,
Где ястре соадца камыши,
Где нет завес над крутоором,
Ни водопада, ни дупи,
Прощальное лутым и шизам,
Где луч рибаны не погас,
Где если не был ты составляем,
Тот, значит, твой настанет час,
Прощальное родному флугу —
Легко ль сказать ему «прощай»?
И в самом деле, что за благо
Учиться в чуждой сердцу край?
Учиться хоть на две недели,
Как лист оторванный, туда,
Где не дрожит на алах ели
Росы карельская саюда,
Где, на жаре не загорах,
Не наплет тополя босиком,
Где не захит из-за сыря
Парымя вадальским молокоом,
Где сердцу счастья нет простого
Быть на отеческой земле,
Где ни Ризани, ни Ростова,
Ни волжской рьби на весе...

ФИНСКАЯ КРЕПОСТЬ

Олавиинлива, Олавиинлива,
Замок старинный, замок былинный,
Замок далекий, Русью забытый,
Нами открытый, тобой знаменитый.

Нет, не тоскуешь ты в своцудной башне —

Где ж он, стремительный сон твой
вчерашний?

Нет, ты не ждешь у окна, как

подруга —

Где ж он, пост, что несчакомого кат?

Томлю и помню, как ислае залаяла

Ключ у меня ты из рук отбирала,

Двери в свой замок, смееся, отпирала.

Хмелем хмельным и легендой

поросий,

Замок встречал меня песней хоровой,

Замок, который над бездой раздором

Крепостью мира поставил Суворов.

Стены, обитые серой берестей,

Аустры, в бурных летящие ростры,

Пушки, в бойницы глядящие слепо,

В башню ступеньки к тебе, как на

небо.

Не для твоей ли улыбки сердечной

Лад Вайнимянен настраивал вечный,

И не на твой ли переиз картинный

Солнце в окошко бросала рибина?

Пусть на твоих не заплетет высотех

Мелкое море заморских фокстротов,

Пусть на перекон твой в зареве радуг

Желтые пятна рекламы не лягут.

С юга сияют перелетные птицы,

Словно в окошки, влетают в бойницы

Белой карельской проиентальной

ночью.

Что ж мне тебя не увидеть воочью,

Замок старинный, сон мой былинный,
Звон колокоалчиков, Олавиинлива!

ПРИЗЫ «СМЕНИ»

Спартакиада миллионов — так окрестили любители спорта Всесоюзную спартакиаду по техническим видам спорта. И к этому есть все основания. Свыше 16 миллионов спортсменов выступили в составных спартакиадах! Сейчас подведены окончательные итоги спартакиады: 800 тысяч спортсменов-досафедов выполнили разрядные нормы, 783 человека показали результаты, дающие право получить почетное звание мастера спорта. Установлено около трех тысяч областных и краевых рекордов, 429 рекордов республик и 178 рекордов Советского Союза, 65 достижений, показанных во время спартакиады, превращают официальные рекорды мира.

Кто же стал победителем спартакиады? По сумм очков на первом месте коллектив спортсменов Москвы. За ним — команды РСФСР, Украины, Ленинграда и Белоруссии.

На спартакиаде разыгрывался приз журнала «Смена». Его обладателем должен был стать коллектив, набравший лучшую сумму очков по радио, подводному и водно-лыжному спорту. Этот приз завоевала коллектив спортсменов Ленинграда. На верхнем снимке вы видите капитана ленинградской команды заслуженного мастера спорта В. Шамбурина с призом нашего журнала.

Еще один приз «Смены» — за лучший результат в легкоатлетическом кроссе — разыгрывался во время первенства мира по современному патибору, прошедшего в Москве. Обладателем этого приза стал талантливый 22-летний венгерский патиборец А. Баллош. Вы видите его на втором снимке. Баллош доволен: он отлично выступил в Москве, завоевав в общем зачете третье призовое место.

Фото Г. Тер-Ованесова.

В конце прошлого года корреспондент нашего журнала побывал на сооружении электрифицированной дороги Москва—Иркутск. На одном из участков этого грандиозного строительства он познакомился с бригадиром Евгением Григорьевым, возглавлявшим передовую бригаду монтажников комсомольско-молодежного электромотажного поезда № 708. Об этом паренёке, о его большой и светлой мечте рассказывала в «Смене» № 22 за 1960 год.

И вот из Сибири в редакцию пришло трагическое известие: Женя Григорьев погиб. Погиб от руки хулиганов, напавших на него из-за угла. Мы получили письмо, подписанное 102 строителями электрифицированной дороги, в котором сообщается:

«Уважаемая редакция «Смены»!

Мы обращаемся к вам от имени нашего тысячного комсомольско-молодежного коллектива поезда № 708.

В марте текущего года двое бандитов на станции Петухово зверски убили комсомольца Евгения Григорьева. Эти подонки не только лишили жизни нашего товарища, но и глумились над его телом. В ту же ночь бандитов поймали, затвердили. Но Курганский областной суд, по нашему мнению, вынес неправедное решение, присудив извергов к слишком мягкой мере наказания (один получил 15, другой — 5 лет лишения свободы).

Обосновывая свое решение, судебная коллегия Курганского областного суда ссылалась на то, что убийцы Кулешов и Козлов молоды, ранее не судились, воспитывались без родителей. Но почему суд не учел, как рос, воспитывался, жил и работал Женя Григорьев?

Мы посылаем вам дневники Жени Григорьева, просим опубликовать их в «Смене». Пусть все читатели узнают, какой замечательный это был человек.

Мы требуем пересмотреть приговор Курганского областного суда. Бандитам нет места среди советских людей! Они носят с собой нож, чтобы убивать, они не хотят заниматься общественно полезным трудом. Они сознательно мешают нам жить и строить. Поэтому от таких извергов надо избавляться. Коллектив ЭМП-708 требует вынести преступникам смертный приговор!»

ИЗ ДНЕВНИКА ЖЕНИ ГРИГОРЬЕВА

30 ноября 1958 года

Сейчас мне 21 год. Можно сказать, что почти треть жизни я уже прожил. А что я сделал полезного для общества? Ничего. Я только готовился это делать, я только начал работать. Как-то незаметно прошли мои детство и юность. Когда мне было 11 лет, умер отец. Все заботы о нас троих легли на мать. Трудное было время. С тринадцати лет мне пришлось начать работать в колхозе, чтобы хоть немного помочь матери. Зимой — в школе, летом — в поле. Так продолжалось несколько лет. После окончания семилетки хотел поступить в горнометаллургический техникум, но провалился на экзаменах по математике. Следующий год проврался на пункте «Заготзерно», а потом пошел снова учиться —

в 8-й класс. С аттестатом зрелости поехал в Ленинград, в военно-морское училище, но врачи по состоянию здоровья даже и экзамен не допустили: оказалось перименте и перенесенное в детстве.

Пришлось снова вернуться домой. Тут приехал старый друг Виктор и предложил мне учиться в Семипалатинском техническом училище.

И вот технического училище позади. Я монтер контактной сети 5-го разряда. Направление — в электромотажный поезд № 708. Наш поезд занимается электрификацией Восточно-Сибирской железной дороги.

1 декабря 1958 года

Весь день были заняты передислокацией: переездом с одной станции на другую. Сей-

час уже вечер. Читаю книгу «Шаги поколения». Очень понравилась очерк «Наташа». Я его прочитал с большим вниманием. Сама Наташа мне очень понравилась. Какой сильный человек! Окончила университет, отказалась от предопределенного места в аспирантуре и уехала в глухой городок работать учительницей. Аспирантуру же закончила заочно. А потом ее перевели в горком партии. Когда автор очерка А. Аргентовский спросил ее, жалеет ли она, что ушла из школы, то Наташа ответила, что с одной стороны, конечно, жалко, а с другой — работа в горкоме ей очень нравится, так как постоянно чувствуешь, что всегда нужна людям.

Наташа защищала диссертацию о «Мещанском счастье» Поняковского. А я его даже не читал. Нужно обязательно прочесть! Особенно мне понравились приведенные в конце очерка слова Николая Островского: «Жить надо твердо, смело, красиво. И к черту сопляки вытесно!». Кто не горит, тот коптит. Да здравствует пламя жизни! Здорово и очень верно!

6 декабря 1958 года

Вчера в 7 час. 10 мин. отправились мы из Суховской. На станцию пришли суховские девушки и пели песни. Хорошо пели. И мне почему-то стало грустно уезжать отсюда... Когда проехали Ангарск, я все стою в тамбуре вагона и все смотрю и смотрю на эти удивительно красивые места...

Сейчас мне очень хочется работать, притом работать творчески, так, чтобы не только руки, но и голова работали на полную нагрузку.

8 декабря 1958 года

Живем в вагонах. Порой не хватает уюта и домашнего тепла. Так хочется иногда перенестись домой и посмотреть, как там все на самом поживает. Иной раз нас спрашивают: а не трудно ли нам, монтерам! Что сырвайт! Будет трудно, и даже очень. Но все мы живем и работаем для будущего, учимся преодолевать трудности. Не так уж проста эта школа жизни!

11 декабря 1958 года

Сегодня я сделал на лейтере оригинальный тормоз. Ребята одобрили его. Но мастер Сальников велел убрать его. Он сказал, что лейтер от этого может перевернуться, хотя мы тормоз не один раз испытали и все было в порядке. Мастер предупредил, что не выпустит наш лейтер на перегон, если не убедем тормоз. Вот она, красавишка! Поддержка рационализаторства! Но мы все-таки докажем, что такой тормоз нужен и полезен на лейтере.

Пока работал над тормозом, понял, как я мало еще знаю. В голову приходят много интересных идей, а вот выразить их бумаге трудно и грамотно, так, чтобы все можно. Нужно учиться, стать инженером-механиком.

12 декабря 1958 года

После работы занялся чертежами: пришла интересная мысль о переделке фристорной створки. Защелк Саня выразил, не бумаге правильно и грамотно, так, чтобы все можно. Нужно учиться, стать инженером-механиком.

21 декабря 1958 года

Вышло, что я заново изобрел велосипед. Сегодня узнал, что такой секционник, который я изобрел, уже давно придумали, но он не применяется из-за дороговизны изготовления. Вот тебе и изобретатель! Нет, надо обязательно учиться, обязательно!

СМЕРТЬ ЖЕНЫ ГРИГОРЬЕВА

6 января 1959 года

Сегодня придумал новую распорку. С вечера потух свет и дошло до задремывания. Я лег спать, но люблю сидеть в темноте, — но заснуть не мог. Пошел погулять, а в голову все придумалось: как бы лучше изготовить распорку. Когда свет зажгется, я сделал чертёж этой распорки. Пропелот до четырех урт, а все-таки закончил. На улице холодно. Минус 41°. Как завтра работать будем?

Послал в газету «Советская молодежь» стихотворение «Над путями» и письмо. Интересно, что ответят?

11 января 1959 года

Сегодня закончил два рационализаторских предложения. Первое — это реконструкция несущего троса, второе — шарнирный конструктор для минусового фиксатора. Завтра хочу передать в контору.

Музыкальная передача о Модерте заставила отложить чертежи. Читал диалог Осип Тверской. Так хорошо читал! Много мыслей вызвала у меня эта передача. Мне самому захотелось пропеть, такую же жизнь. Замечательная передача! Как хорошо, что у нас есть радио! От него становится как-то теплее на душе, уютнее.

16 января 1959 года

Сегодня был на профсоюзной конференции нашего поезда на ст. Зима. Выступал последний. Иван Иванович, прораба, раскритиковал при себе. Председатель дважды напоминал мне, что время кончилось, но люди требовали, чтобы я продолжил. И я говорил. Сказал про то, что на работу ездим кто как сумеет, часто приходится отправляться на попутных товарных поездках. Потом меня избрала в местный комитет. Иван Иванович сейчас продолжает лез на меня за критику. Он жаловался своему другу, что мое выступление может отразиться на его карьере. Правильно! Нам карьеристов не нужно. Янисколько его не боюсь. Я выступал делегатом всего прорабского пункта и защищая общие интересы. Он думал, что я и голоса не подаю, а вышел на работу. Просчитали, уважаемый Иван Иванович!

22 января 1959 года

Вчера взял в библиотеке книгу «Вопросы литературы» Сталина. Хочу готовиться к выступлению в partito.

Сегодня в наш вагон заходил новый председатель МК профсоюза и с ним начальник отдела кадров поезда. Сопровождавшая их коммандантша сказала про меня: «Здесь живет «министр», который хочет, чтобы их на работу в комфортабельных вагонах возили. И чего оно лезет не в свои дела».

Да, куда не забьют: вчера получили письмо из Иркутска. Пишут, что наше письмо направлено в трест начальнику тов. Логва (писали мы об Иване Ивановиче).

25 января 1959 года

Из отпуска вернулся бригадир Коля Ильиченко. Из дома привез бутылку самогонки — «для пробы». Я тоже попробовал. Настоящая ограда, и него люди в ней находят! Полночь не могу уснуть, все пьяно в голову и отламывается. Нет, надо навсегда покончить с выпивкой, даже с такой вот, стограммовой. Сколько драгоценных минут жизни портят эти промальные граммы!

31 января 1959 года

Сегодня особенно хорошо работало. Погода была теплой, руки от соприкосновения с металлом не мерзли. Все-таки хорошая про-

фессия монтажника! Первая зима в Сибири останется в моей памяти такой же теплой, как сегодняшний день.

10 февраля 1959 года

Только что вернулся с танца. Вообще-то ходить туда не хотелось. Но ребята уговорили. Пошел вместе с ними. По дороге разговорился с Иваном Шимченко. Меня у нас сохотели: мы здесь как-то отвыкли от девушек. Раньше, например, в Семипалатинске, все мы с огромным удовольствием ходили на танцы, знакомился с девушками, а тут что-то и желания такого нет. Или, может быть, мы тут просто стали взрослее!

16 февраля 1959 года

Снова выступал на собрании, теперь уже на объединенном прорабском. Ивана Ивановича разнесли в пух и прах. Я тоже его критиковал, опять-таки за то же, за что и на профконференции. Присутствовавший на собрании главный инженер поезда поощрял, что на работу нас будут возить в вагонах. Прораб снова на меня злился. Ну и пусть! Главное, что победил за нами. Правда глаза не замаяжешь. Говорю всегда правду — и всегда побеждает. Замечательен тот человек, кто кристалло чистен. Таким был Ф. Э. Дзержинский.

17 марта 1959 года

Уже зима. Да, да, в Сибири уже весна! На бригаде снег растаял. Мы все так же работаем на перегоне. Работать сейчас особенно интересно, приятно... А скоро все займелеет кругом, будет совсем красное.

Правда, зима здесь обманчивая. Чуть стало тепло, я распахнул ватник и, видимо, простудился. Болит теперь голова, пощипывает в груди, самоустраивает, в общем, нездорово. Но я не хочу поддаваться болезни, даже в кровь не лажу. Сичу и черчу, придумываю риктовичный ключ с фрикционной передеркой. Ивана в голову поворачивает мысль — вот бы что-нибудь такое изобрести, чтобы все аккумуля. Но понимаю, что сначала надо долго и упорно учиться.

О, как хочется жить!

29 марта 1959 года

Вчера мастер Сальников сказал, что мне присудили премию за предложение по распоркам. Это вдохновило меня. Очень приятно, когда знаешь, что твой труд ценят. Сегодня я с большим желанием рисовал стеногазету. На улице совсем тепло, совсем весна. Через открытые окна злится свежий теплый воздух.

У меня странный характер: когда я вижу благородный поступок человека, меня охватывает какая-то безумная, детская радость и слезы подступают к глазам. И самому хочется сделать, что-нибудь очень хорошее людям, очень приятно. Вот такое чувство охватило меня вчера, когда я смотрел фильм «Очереды рейса». Производство Свердловской киностудии. Совсем еще неизвестная киностудия, а такую чудную картину выпустила. Здоровой!

8 апреля 1959 года

Вчера прораб пригласил меня в контору и предложил стать бригадиром. Я согласился. Все идет не спад, асфонича в 6.20. Все мне чудилось, что я опоздал на работу, что забыл взять детали. Очень хочется не подкачать. Иван Иванович так и сказал: «Нужно наладить дисциплину и работу в бригаде». Надо устоять!

Кончился первый день моего бригадирства. Думаю, что дела пойдут. Ребята сильные, работу знают, только работают как-то тихо, медленно. Но это исправимо.

13 апреля 1959 года

Меня избрали комсоргом. К нам приехала из Иркутска корреспондентка радио Зина Чернова. Хочет написать очерк о нашей бригаде. Интересно, почему именно о нашей? Кто ее посоветовал? В нашу бригаду дали трех практикантов. Будем учить их.

29 апреля 1959 года

Я так счастлив сегодня! О нас передали очерк по радио, тот самый, который писала Зина Чернова. Написано замечательно! Мне бы очень хотелось, чтобы его слышала мама.

18 мая 1959 года

Жизнь идет полным ходом. Занят все время, некогда даже в дневник заглянуть. Заниматься сразу несколько «должностей»: член МК комсорг, бригадир, редактор стеной газеты, редактор «Восточно-Сибирской правды». Чувствую, что перегружен, но от работы не отказываюсь: не могу сидеть без дела.

Сегодня много думал об учебе. И это придало мне новый заряд бодрости: не все еще потеряно! А потом подумал, что, в сущности, я еще ничего не теряю. Надо взяться за повторение, а то как бы не загреметь на экзаменах.

На собрании решили устроить на прорабские комсомольскую саабду. Меня избрали в состав саабдской комиссии. Не представляю, что я буду делать?

17 июля 1959 года

Сдал экзамены на заочное отделение Хабаровского института инженеров железнодорожного транспорта. Сколько я мечтал, чтобы стать студентом! Теперь мечта сбылась: буду работать и учиться!

14 сентября 1959 года

Наша ракета на Луне! Построен атомоход «Ленин!» Хрущев в Америке!

1 октября 1959 года

Вот и кончается отпуск. Как быстро пролетело время! Скоро на работу. Много я дум передумал за это время. О жизни, о своем будущем. Мне скоро 22 года. Родственников все спрашивают: думаю ли жениться. Николай (родственников Женя Григорьевна — Ред.) говорит, что жена не помешает. Но разве так можно подходить к такому важному вопросу! На все подобные вопросы отвечаю шутками...

2 декабря 1959 года

Занимаюсь. Долг — 5 контрольных работ. Время ограничено. Первая контрольная по математике замучила, а в конце концов я ее одолев. Сам все понял, без посторонней помощи. Как это приятно, когда преодолел трудности и выходишь победителем...

9 января 1960 года

«Если монтаж, то только на железной дороге» — вот мой девиз последнего времени. Почему-то кажется, что в последние времена даже чересчур увлекался в свою профессию. Как-то и разговаривал с Виктором Коноваловым о работе. Он рассказывал, что во Фрунзе идет монтаж троллейбусной линии. Неплохо бы поработать там, тем более что и дом близкий — всего 90 километров. Можно было бы чаще домой ездить, на праздник хоть бы. А как же изобретательство! Неужели отказывался от него? Позавчера вышел из вагона и увидел начальника нашего поезда № 708. Он тепло со мною поздоровался, и я вдруг почувствовал, что если уйду с монтажа,

то я что-то потеряю, очень ценное и дорогое.

Неужели каждый человек так мучается в поисках самой настоящей, самой правильной дороги в жизни?

7 февраля 1960 года

Что такое счастье в жизни? Разве будет полное счастье, если женишься на любимой девушке? Нужна цель в жизни. Эта цель должна быть не в один год и не на два, а на всю жизнь. И добиваясь ее нужно сразу, как только эта цель поставлена, добиваться до победы. Это будет действительно интересная жизнь. А жизнь без цели, по принципу «день да ночь — сутки пролетают» — это скучная жизнь. Большая цель в жизни и любимая жена — вот лучшим путем к счастью, потому что достаточно для полного счастья.

Не хочется сейчас думать о смерти, но она придет. Все люди в конце концов умирают. И если жить без цели, то это значит, что спешить некуда, вперед еще много лет, все успеешь в свое время. Нет, так жить нельзя! Надо не только поставить цель, но и добиваться ее. Нужно жить так, чтобы и после смерти о тебе помнили люди, чтобы, умирая, сам себе мог сказать: «Да, я жил правильно!»

19 марта 1960 года. Ночь.

Нашел способ завести гибкой поперечник, который не требует работы наверху. Помогла модель из ниток. Я заметил, что незареправляемая распорка под тяжестью поползла вверх к опоре. Ура! Это навело на новые мысли.

1 мая 1960 года

С утра шел буран. Сейчас сквозит дельная обложка иногда пробивается солнце. Делать ничего не хочется. Все работы ушли в город: ведь сегодня праздник. Но тем тоже прошел буран, значит, грязь непролазная. Я остался дома и решил продолжить работу над очерком «Два года на монтаже». Надояно в районской газете опубликована моя заметка «Продолжаем танцевать». Местные девицы говорили, что написано зло и правильно. Авторы они не знают...

3 мая 1960 года

Все мысли сосредоточены на одном: обдумываю путь в жизни, который мне выбрать. Первый вариант: это путь правды, стать членом КПСС и до конца дней своих бороться за правду. Второй вариант — жить, но замалчивать. Второй вариант меня не привлекает. Я голосую за первый. Но самая главная моя задача — получить высшее образование. Без образования я слаб и в жизни и в борьбе.

«Не терпиг лики и подлинниват» — так написано в моей характеристике классный руководитель 10-го класса Николай Михайлович. Как он сумел определить? И я должен быть таким, я обязательно буду таким. Честным и правдивым в большом и малом.

Не знаю, у кого бы мне попросить рекомендацию в партию!

7 июня 1960 года

Прошло два дня сессии. Вчера не ужинал, сегодня не обедал. И все из-за лекций. Подогонялся я не акти как, и теперь приходится насверять. Но это переживаю, не такое переживаю. Окончившу по-настоящему в студенческую жизнь, я хочу поступить в институт учиться, какого никогда не испытывал.

5 июля 1960 года

Я авторкурсни!!!
Неужели это на самом деле? Второкурсник!

Женка, оглянься назад. Вспомни, как ты училась весь год. Благодаря своим товарищам за их помощь!

16 июля 1960 года

Кажется, я влюбился. Первые встречи с Л. были просто товарищескими, а потом наши отношения стали меняться. Началось с писем, которыми мы обменивались вначале негуще-

лярно, а потом все чаще и чаще. Вчера приехал домой в отпуск и сразу поехал к Л. на велосипед. Встретил она меня очень сердечно. Сначала поцеловала с ее родителями, а потом я позвал ее на улицу. Сели на камнях и говорили, говорили, говорили... Я наконец собрался с силами и сказал: «Ты знаешь, я люблю тебя! Я больше не могу быть без тебя!» Л. ответила, что она тоже любит меня, но сейчас мы не можем пока быть вместе: ей надо обработать положенное время после техникума и еще предстоит закончить лечение, а для этого нужно съездить на курорт. Мы дали друг другу слово, что будем ждать, и когда подойдет время — познакомимся.

Когда мы расстались, я есмчил на велосипед и изво всей силой погнался его. Настрекну мне лелец сильный ветер. Но я был счастливей его. Я был самый счастливый на свете!

8 августа 1960 года

Что такое жизнь?

Одни говорят, что всего-навсего существование. Каждый человек старается как можно лучше удовлетворить свои потребности, и тогда можно сказать, что человек — где лучше, где глубже, а человек — где лучше.

Но я думаю не так. Жизнь — это прежде всего борьба, борьба за радость, против горя, это постоянный труд. Как жить? Островский говорит: «...там, чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь, все силы были отданы на освобождение человечества» (записал по памяти).

22 августа 1960 года

Осталась последняя неделя отпуска. Скучно оттого, что уехала Л. Какой близкой она стала для меня! Я не могу даже думать ни о какой другой девушке, кроме нее. Кажется, я нашав свое счастье.

Сестра привезла слова песни «Я люблю тебя, жизнь!». Я ее пел весь день. Не помню песни, которая бы мне так нравилась. Это наша песня, про нас, про рабочих.

7 сентября 1960 года

Снова начал работать и снова внес рационализаторское предложение — с успехом применили раскатку кабеля с барабана в горизонтальном положении. Когда не работаете,

дним.

На этом обрываются записи в дневнике Жени Григорьева. 22 марта он был убит бандами.

Тяжело, очень тяжело примириться с мыслью, что нет больше с нами Жени Григорьева — человека большой души, строго влюбленного в жизнь, кристально чистого и честного, неутомимого искателя и ментатора, настоящего героя нашего времени.

Редация «Смены» полностью разделяет мнение коллектива электромонтажного позода № 708 о том, что бандиту Кулешову, нанесшему смертельный удар Жене Григорьеву, нет места среди советских людей.

На судебном процессе было доказано, что убийство Жени произошло не случайно, а было преднамеренным. На вечере в клубе Григорьева, а когда тот потребовал от них извинений, и Кулешов грубо оскорбил Жени Григорьева, а когда тот потребовал от них извинений, и Кулешов угрозы. Убийца Кулешов открыто заявил в тот вечер, что он «кого-нибудь сегодня пырнет». И вот, когда Жена с женой вышли из клуба, преступники напали на него, начали зверски избивать, а потом Кулешов ударил его ножом.

Всему миру известны человеколюбие и гуманизм советского человека. Однако наш социалистический гуманизм не имеет ничего общего с либеральным восприятием. Социалистический гуманизм означает неутомимую ненависть к врагам нашего общества, к палачам, предателям, преступникам, ко всем, кто стремится сделать человеческую жизнь тяготной, непосильной, невзгодами и страданиями. Именно интересы всего нашего народа, интересы трудящихся, создающих коммунизм на земле, требуют беспощадности к преступникам, посягающим на самое ценное — человеческую жизнь.

Редация «Смены» надеется, что Верховный Суд РСФСР прислушается к голосу коллектива электростроительной бригады Жени Григорьева и сурово, беспощадно накажет убийц Жени Григорьева.

Трагическая смерть Жени потрясла его товарищей, заставила многих из них пересмотреть свое отношение к жизни. «О, что не успел сделать Жена, — решили они, — должны выполнить мы». На траурном митинге над могилой Жени Григорьева они поклялись:

«...Лучшим лямкинским напарником Жени будет досрочное завершение электрификации трансформаторной магистральной. Мы обещаем тебе, Жена, что поезд с делегатами Забайкалья на XXII съезд родной партии от Иркутска до Москвы поведет электротягой!»

Жена мечтал стать конструктором, строить новые мощные локомотивы. Мы обещаем тебе, Жена, что осуществим и эту твою мечту — тринадцать твоих товарищей уже в этом году решили поступить в институты, чтобы стать инженерами-конструкторами.

Жена всю свою жизнь боролся с теми, кто обещал нам жить и строить. Мы обещаем тебе, Жена, быть непримиримым к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму.

Жени Григорьев погиб. Но память о нем навеки останется в сердцах его товарищей, его короткая, светлая жизнь для многих юношей и девушек будет служить ярким примером целеустремленности, настойчивости в достижении поставленной задачи, подлинного жизненного героя.

то кажется, что ни на что не способен. Но как только начал работать, то сразу почувствовал новое влечение к изобретательству. Все-таки обязательно стану настоящим конструктором.

18 сентября 1960 года

Вчера бригадой отметили мой день рождения. Какие все-таки хорошие у нас ребята! Правда, настроение испортил Иван Иванович. Он с пренебрежением отнесся к тому, что мне дали премию за рационализацию. Особенно меня разозлило, что он сказал, будто потерял приказ о премии. После этого затеялось дело судан-нибудь поднахудо. Но нет, я должен сдаваться. Его нужно разоблачать последовательно и настойчиво. Если бы я устоял, он был бы очень доволен. Но я так не уйду, не дождется.

20 декабря 1960 года

На работе непорядки: простой за простом. От этого или от чего другого напала апатия. Даже к учебе охладел. То зубами впиался в книги, а сейчас они в безопасности. Очень люблю математику, но и к ней сейчас не притрагиваюсь. Печально парадокс интегрального исчисления, знаю наизусть, а дальше ни в зуб. Женяка, неужели это ты! И что с тобой приключилось? А может, все оттого, что мама против моего предостержения жить!

2 января 1961 года

Дни летят, как птицы. Озвончен приближением летней сессии. Вроде бы времени и много вперед, а взростом еще больше.

8 февраля 1961 года

Среда. Пятый день находимся на станции Петухова, Омской железной дороги. А как всполоно про Нижнеудинск, замирает сердце: там остался Л. Как мне хочется снова поехать туда, в глубины Сибири!

16 марта 1961 года

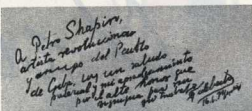
Я женился!

Моя жизнь наполнилась новым содержанием. Мы взаимно любим друг друга. На душе спокойно и тепло.

Так хочется жить!

ПОДАРОК МОЛОДОГО СКУЛЬПТОРА

...В руках у Фиделя Кастро — небольшая гипсовая скульптура, которая проделала длинный путь от Москвы до Гаваны. Ее подарил выдающемуся сыну кубинского народа, молодому советскому скульптору Петру Шاپиро.

Около года работал скульптор над образом кондея кубинской революции: изучал множество фотографий, читал и перечитывал выступления премьер-министра Кубы, беседовал с людьми, встречавшимися с ним, являл наброски и эскизы... И вот два месяца назад законченная скульптура была вручена Фиделю Кастро.

Тронутый вниманием, Кастро написал автору скульптуры:

«Петру Шاپиро, революционному художнику и другу кубинского народа, с братским приветом и благодарностью за то, что вы сделали честь, которую оказали мне своей работой, Фидель Кастро».

В ПОИСКАХ ЗАЩИТЫ

Я шел с ружьем через поле к реке. Надо мной с писком летало несколько комчиков. Вдруг неподалеку выпорхнула жаворонка и, ширинуя, полетела над полем. Один из комчиков, заметив птичку, сложил крылья и поспеял на жаворонку. Расстояние между птичками сократилось... Но в

тот момент, когда хищник выставил свои когтистые лапы, тотчас же выскочил в жаворонка, птичка метнулась в сторону. Хищник пронесся мимо, но под летящую птичку стремительно нырнул другой комчик, вынырив сбоку. И опять жаворонка метнулась в сторону...

Потом случилось неожиданное. Заметив, что тотохитис лова, жаворонка заметается из стороны в

сторону и, жалобно запищав, летит... ко мне. Он усеял на мое плечо и не проявил особой тревоги, когда я тихонько потрогал его рукой. Я продолжила свой путь, а жаворонка неподвижно сидела на моем плече. Но когда я подошла к приборному кустарнику, птичка вспорхнула, чиркнула, словно сказав на прощание «спасибо», и скрылась в зелени...

Н. НИКОЛЬСКИЙ

ДОЖДЬ ПО ЗАЯВКЕ

Многие читатели, возможно, улыbnутись, прочитав такой заголовок: возможно ли это? Да, возможно. Сегодня этого пока еще нет, но завтра будет. Получат на густые туманы заявку, нажимет оператор кнопку, и на расклеванные знои улицы полетит искусственный дождь.

Идея улучшения микроклимата в городах других населенных пунктах, расположенных в южных районах, выдвинута доцентом Ташментского политехнического института, лауреатом Сталинской премии Д. М. Менделеевым.

Первая схема городского орошения методом дождевания уже разработана для строящегося в столице Узбекистана жилого массива Чиланзар. Предложена стационарная установка с радиусом действия до пятнадцати метров. Установка поднимается и водопровод и состоит из усложненной и грунт асбестоцементных труб с насадками-распылителями, которые и создают искусственный дождь над цветниками, парками, улицами. В то же время будут действовать постоянные гидротрунтурные установки, образующие ряды небольших фонтанов вдоль улиц, проспектов, бульваров.

Выгоден ли новый метод орошения городов? Не слишком ли велики будут расходы средств и воды? Расчеты показали, что искусственный дождь выгоден во всех отношениях. Ливневая канализация улучшает санитарное состояние городов, более чем в десять раз сокращает потребность в рабочей силе, занятой сейчас на орошении, экономят будет расходоваться вода.

КУВШИН ДЛЯ ЛОВЛИ ОСЬМИНОВ

Когда начинаешь читать сообщение о том, что кто-то где-то нашел зарытый в землю кувшин, почти всегда угадываем: в кувшине оказался клад. Кувшины, видимо, испокон веков отлично оправдывает возложенные на него обязанности хранителя ценностей... Но вот недавно была обнаружена кувшинка, около острова Аскольск, со дня моря надвину кувшин, который, как оказалось, был предназначен для иных целей. Этот обросший ракушками глиняный сосуд пролежал на дне моря сотни лет: археологи определили его возраст в восемь веков. Кувшинник лова осьминогов...

Такой оригинальный способ лова морских хищников сохранился на Дальнем Востоке до сих пор. В Японии, например, рыбаки пользуются подобными кувшинками. Они опускают их в места скопления осьминогов и, когда те барахтаются в кувшине, быстро поднимают свою снасть на поверхность...

В природе, в жизни мы часто сталкиваемся с интересными явлениями, любопытными фактами, непонятными спенками. Многие из них нередко попадают в объектив фотоаппарата... Вот, например, снимок: медведь бросается в воду. Не так-то часто можно наблюдать такую сцену! Этот снимок сделал Ф. Келлером на г. Лейбница.

Мы приглашаем читателей принять участие в выставке редких снимков, которая открывается при разделе «Коротко об интересном». Условие одно: предельная выразительность снимка, исключающая надобность в подписи.

Сергей Семин, гонимый «Локомотива», спрыгнул с грузовика на асфальт и стал осматриваться, различая затененные ноги. В глазах рябило от фар, машин, мотоциклов, от нарядной толпы и милиционеров. Повсюду пестрели яркие рубашки гонимых. Многие уже пробовали машины, с трудом лавируя в густой толпе, которая по-муравьиному светилась дугами вокруг стадиона.

Недалеко от себя Сергей увидел Кудрявцева, велосипедиста из

И с этого момента мир перестал существовать для него. Он видел перед собой толпу колес чужих машин и старался не отстать и не наезжать на них.

Сергей огляделся. Рядом ехал Устинов. Недалеко впереди краснели рубашки других армейцев. А вон и спина Фролова. Его всегда легко было отличить по посадке. Он никак пригибался к рулю и горбился, как кошка перед собакой.

«Сторожит Кудрявцева!» — отметил про себя Сергей. Фролов дей-

Вадим БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ

РАССКАЗ

сборной Союза. Кудрявцев не спешил вынимал велосипед из своей «Волги». Ярко вспыхивали на солнце хромированные детали. «Favorite!», — прочитал Сергей надпись на раме и тяжело вздохнул. Кроме обычного предстартового страха — проиграть, сегодня его преследовал инстинктивный страх перед огромным расстоянием, которое ему предстояло пройти. На 200 километров он выступал впервые в сезоне и второй раз в жизни. А тут еще эта жара...

Сергей подошел к товарищам по команде. Они сидели в тени, падавшей от автобуса.

— Ну, теперь уж скоро поминус! — сказал Сергей и умильнулся.

— Хоть бы дождь пошел, — сказал Ерохин, капитан команды.

— Вон у всех армейцев смятый воздух в карманах, а мы с насосу пить будем, — сказал Фролов.

Раздалась команда строиться, и сердце гулко застучало.

«Да» — подумал Сергей, и сердце гулко застучало. «Да» — это был Фролов.

Фролов пришел в «Локомотив» недавно. До этого он служил в армии и выступал за ЦСКА, и это подымало его в глазах у руководства «Локомотива». Поговаривали, что Фролов может занять место Семина в команде общества на первенство Союза.

Неожиданно в толпе, за оцеплением, Сергей увидел свою жену и рядом с ней Нину. Ему было приятно, что они были вместе, и особенно приятно, что пришла Нина. Она нравилась Семину. Нина стояла под ручку с его женой и весело махала ему. На ней было открытое легкое платье, и она выглядела свежей и прохладной. Жена поднимала над головой сумку.

— Я достала тебе мандарины пирожные! Как нам пройти на трибуну? — кричала она.

Сергей только раздраженно пожал плечами: «Надо было не опаздывать. Мандарины пирожные!»

Начался торжественная часть.

Велосипедисты нетерпеливо перемалывали с ноги на ногу. Сергей оглядел трибуну. Здесь, на стадионе, под солнцем и взглядами тысяч людей ему вдруг страшно захотелось отключиться, прийти первым, ей у всех у всех мне надо выиграть, чтобы победить! — подумал он. Во главе колонны, как всегда, стояла красная шеренга армейцев. Они всем отличались от остальных гонимых: и плечи у них, казались, были шире, и красные рубашки сидели лучше, и выражение лиц значительнее. А какие у них были ноги! Коста смуглая, тонкая, каждый мускул виден.

Среди армейцев выделялся Ростом и крупным мужественным лицом Кудрявцев. Он, пожалуй, был больше похож на артиста, чем на спортсмена. Рядом с ним стоял другой фаворит армейцев, Устинов, широкоплечий, приземистый, крупный, с удивительно большими, как у штангиста-тяжеловеса, мускулами бедер. Он, улыбаясь, что-то говорил Кудрявцеву.

И Сергей ядрю уже увидел всю тщетность, всю нанизность своих надежд.

«Чужд на свете не бываешь! А ведь это было бы чудом, если бы он выиграл ядрю у Кудрявцева или Устинова, которые тренируются почти каждый день и почти круглый год. А танки, как он, Семин, согнел бы просто фантазер. В лучшем случае он приедет во второй группе, и все будет, как обычно, и Нина, наверное, как раньше Гая, скажет: «Ничего... Еще все впереди!» Сергей сжал зубы до боли. «Побеждает тот, кто меньше жалеет себя. Вот и все! Я не забивать об этом... А все остальное: мускулы, талант — врунда! Воля может сделать все! Пора наконец!»

...Лопнул сухой короткий выстрел, и все поехали. И Сергей поехал.

ствительно словно прилип к заднему колесу грозного соперника. Большинство других гонимых тожеistorожили» армейцев и старались держаться за кем-нибудь из них.

«Ну и ладно! Я не слабею ни и буду думать сегодня своей головой!» В прошлом году Сергей сторожил все дорожки ивляники. А выиграл неизвестный парень из «Динамо». Взял и ушел один, на него никто и внимания не обратил, все кидались только за армейцами. А когда спознались, было уже поздно.

Рывки следуют один за другим. Все время кто-нибудь пытается оторваться.

Но вот наступают затишье, скорость падает, глаза начинают замечать, что делается по сторонам. Густой лес сменяет простор поля, мелькают озера, река. Вода ослепительно блестит под лучами солнца, и на желтом песке белеют голые тела. Там совсем другой мир. Солнны и заманчивы.

Сергей наращивает воду из бачка и, стараясь не глотать, прыскает перед собой, как портной под утюг. Ветер возвращает воду на лицо — наслаждение, ни с чем не сравнимо. Хорошо бы, конечно, глотнуть, но раз еще сила терпеть, значит, надо терпеть. Чем позже начнешь пить, тем лучше!

Проехали под мостом около Кубинки. Позади осталось почти семьдесят километров. Дальше этого места никто обычно не заезжал на тренировки.

Пора было «победить». Сергей набил рот глюкозой и яблоком, и впервые сделал несколько глотков воды. Есть он не хотел, но в гонке нельзя ждать аппетита: раньше может прийти слабость. Зато вода в гонке — всегда счастье. И Сергей старался пить воду как можно медленнее старался жевать ее. Она стала уже почти горячей, отдавала прикусом алюминия, но была неопишимо вкусной.

Сергей ехал ел и пил, когда откуда-то сзади на большой скорости, видимо, разогнавшись по обочине, вырвался еще гонимый. Один в красном, другой, за ним, в синем.

«Кудрявцев и Фролов!» — понял Сергей. Он встал с седла и надавил на педали.

А Фролов с Кудрявцевым уходили все дальше и дальше. Это было очень странно. Но в тот момент, когда Сергей уже набрал скорость, сзади раздался крик:

— Семин!

Сергей узнал голос Ерохина, их капитана. Семин все понял и бросил работать. Он не имел права догонять своего и тннуть следом за собой чужих.

«Вот Догонялся!» — Сергей с тоской смотрел, как удалялся синяя спина Фролова. Вас надежда теперь была на чужих, которым он обязан был мешать догонять Фролова!

«Что сторожить!» — закричали сзади «чужие». — Он же гасит скорость!

И вот — наконец-то! — справа и слева вырвалось несколько человек. Начался погоня. За чужими уже можно было, даже нужно было ехать. Группа выткнулась в длинную тонкую цепочку. Сергей возросла до предела. Шедший впереди милиционерский мотоцикл дал полный газ и с трудом ушел от гонимых. Расстояние между лидерами и цепочкой сокращалось с каждой секундой.

Каждый, кто возглавлял цепочку, вел метром плетясь, а затем отходил назад. И вдруг Сергей понял, что все дело то, как догонит Фролова, подойдет его очередь вести. И когда до беглецов оставалось всего каких-нибудь десять — двадцать метров, действительно настал его черед, и он опять стал гасить скорость. И синяя спина Фролова опять стала удаляться.

Но вот снова вырвались вперед несколько гонимых, и Фролов с его напарником догнали. Скорость резко упала. Все взялось за верха рулей.

1 Марка импортного велосипеда.

Фролов оглянулся и встретился глазами с Сергеем.
— Не смогли придержать... — услышал Сергей задыхающийся шепот Фролова. Он хотел было ему ответить, но вдруг увидел, как один из гоночников «Буревестника» встал с седла, нагнав новый равок.
Никто не успел прийти к себе. Это был самый удобный момент для решительного ухода. Однако Сергей колебался: не было сил, в глазах

Рисунок Е. МЕДВЕДЕВА.

было мутно от пота и слез, в груди — один стон. Но какой-то словно чужой голос говорил ему, что если он сейчас не решится, то сделает неправильную ошибку.

«Надо идти!» — сказал он себе, и сознание его, словно отделившись от тела, пошло вперед, а за ним тронулся и тело.

Когда Сергей догнал лидера и оглянулся, просвет был уже метров в двести!

Было по-прежнему очень тяжело, но Сергей знал, что сейчас нельзя жалеть себя. Надо уйти и не бояться у всех перед глазами, чтобы они там зади забыли о них и отказались от погоня. Сергей оглянулся. Далеко зади он увидел только сплошную пеструю массу, закрудившую шоссе от края до края. Острая радость наполнила его.

Совсем недавно он еще был там! Сергей ликовал.

— Уходишь! Настоящий разрыв!

Сергей испытывал сейчас к этому парню братское чувство. Он любил его сейчас и чувствовал, что и тот так же сильно любит его. Боли Сергей уже не замечал. Она осталась, но теперь она была ему даже приятна: она свидетельствовала о силе, а не о слабости.

Сергей ликовал.

С ними поравнялся открытый легковой «ЗИЛ». Судьи стояли в нем. Все они с любопытством поглядывали на них.

Когда теперь Сергей оглядывался назад, он видел пустое до самого горизонта шоссе. Это было потрясающее зрелище. Сергеем просто не верилось. Он не привык побеждать. Он больше привык догонять. Но сейчас вперед их шли только два мотоцикла милиции, и ни одной чужой спины, ни одного чужого колеса до самого горизонта и... за горизонтом!

«Ничего нет! Я первый! Все слади. Все И армейцы и Фролов!»

Это было какое-то чудо. То самое чудо, о котором он мечтал два часа тому назад, стоя на старте, и в которое — теперь он это понял — по-настоящему все-таки не верил. Своего товарища Сергей не брал в расчет. Он был почему-то уверен, что выигрывает у него на финише. А если дама и будет вторым, все равно это будет здорово. Ведь это же первенство Москвы!

«Лишь бы ничего не случилось...! Скорей бы поворот. Почему его так долго нет! — О повороте Сергей думал как о финише. — Там уже к дому и во ветру! Доедем!»

Нечком, подошли к повороту.

— Осторожно, тише! — крикнул им кто-то.

Повернули былоополучено, набрали скорость. Ветер теперь был попутный. Вращать педали стало легче, но страшно было подумать, что так придется крутить до самой Москвы! Все сто километров? Сергей надеялся, что он постепенно привыкнет к новому темпу.

Он напряженно всматривался вдаль, ожидая, когда же покажутся преследователи. Это был самый важный вопрос. Если они не покажутся до первого на обратном пути километровой столбы, значит, разрыв увеличился... размышлял Сергей.

Но преследователи показались раньше, чем первый километровой

столб. Их было шесть человек. Впереди шли гоночки в красном. Малька белые высокие носки и вспыхивали на солнце хромированные вилки их велосипедов. В середине группы Сергей заметил гоночка в синем.

«Фролов», — понял Семи.

Он взглянул на своего напарника. Тот, видимо, уже не надеялся уйти от шестерки.
«Ну, что ж! Будем ехать ввосмером. В первой восьмерке Москвич — попытается успокоить себя Сергей. — Зато нас никто уже больше не догонит. Ну, а на финише надо выиграть у Фролова, если он доедет. Лишь бы у меня самого ничего не случилось, а на финише я сильнее его».

— Ладно! Давай побеждаем спокойно, — сказал Сергей своему напарнику и засунул руку в карман на спине, где у него лежали яблоки. Он выбрал початое. Он ехал вторым. Его товарищ оглянулся, чтобы посмотреть, далеко ли еще шестерка. Его машина слегка вильнула. Руль мелко задрожал в левой руке Сергея и пошел в сторону.

«Притерся!» — с ужасом понял Семи.

Разорвав карман, он выдернул правую руку и хотел схватить его руль, но в то же мгновение упал на асфальт. Боль яркой вспышкой полыхнула в голову. Сергей тут же вскочил на ноги, но его напарник был уже далеко вперед. Он посмотрел назад и увидел на шоссе разноцветную цепочку гоночников. Он так и знал: что-то должно было случиться! Все шло слишком хорошо! Он окинул взглядом велосипед, ожидая чего-нибудь непонятного.

«Трубки! Цепь! Колеса? Ага, руль! Руль свернут. Но руль — это врунда!»

Ему просто не верилось, что он так легко отделился. Он мог еще успеть встать в эту группу. Еще не все потеряно!

Непрестанно оглядываясь на приближающихся гоночников, Сергей начал лихорадочно выправлять руль, зажав переднее колесо между колен. И тогда он снова почувствовал боль. Болела вся правая половина тела. Он бросил руль и торопливо ощутил себе.
«Колеса! Ветер? Рука? Только ссадина. Все в порядке! — Но боль разгоралась, и дурнота подступала к сердцу. — Ах, лицо!» Он осторожно потрогал лоб, нос, щеки. Справа под глазами была огромная твердая опухоль. Пальцы нащупали камешки гравия, прилипшие к коже. Сергей посмотрел на пальцы. Они были в крови, и кровь была почти черной. Он с силой глава направо и увидел опухоль...

И тут же увидел шестерку. Уже совсем близко. Вел Фролов. Сейчас они промчат мимо, и все будет кончено. Сергей дернул руль, но слишком сильно. Его перекосило в другую сторону. Ему казалось, что он уже слышит шум колес. Семи вскочил в седло, оставив на асфальте свои бачки, яблоки и глюкозу. Слева от него промчался первый гоночки в красном. Это был Кудрявцев, сменивший, видимо, Фролова. Армеев улыбался, и Сергею показалось, что улыбка относилась к нему, к его незадачной судьбе. Но Сергей успел набрать хорошую скорость и зацепиться. Он «сел» в группу как раз за Фроловым, который шел теперь последним.

Составил А. РУНИН (г. Москва).

Но гонка есть гонка, и финиш есть финиш! И надо готовиться к тому, что в любую секунду кто-нибудь может нанестись удру, и самому думать об этом.

Сергей заметил, как Устинов, сияя, поправился с Кудравцевым и что-то шепнул ему. Кудравцев в ответ кинул головой.

«Договариваются! — пронзал Сергей. — Ну, что ж, их трое. А нас двое! Да же — это тоже не мало. Да только нас не двое, а два раза по одному».

Земельная стена Ново-Девичьего монастыря. Парень из «Буревестника», товарищ Сергея по отряду, хотел было притиснуться к Устинову, которого сторожил Фролов, но Фролов резко послал вперед свою машину и загордел ему дорогу. Парень вылинул, чтобы не врезаться во Фролова. Заскрежетали тормоза у едущихзади.

— Спокойный, спокойный, мальчишки! — сказал Кудравцев, внимательно глядя вперед. — Все так будет!

Показалась ограда стадионного парка.

Влетели на аллею. Гонщики шли ровной шеренгой. Нервы были, как струны. Страшно сорваться слишком рано, но и нельзя прозвать чужой рывком. Даже на одну долю секунды! Ему напряженно следили друг за другом.

Сергей наблюдал за Фроловым. Здесь, у стадиона, он забыл про двухсотметровый путь. Ему казалось, что у него есть силы на хорошую финиш.

«Если сделать рывок раньше его! Важно прежде выехать в ворота!» Аллея круто повернула влево, и Сергей увидел ворота — открытые, пустые, жаждущие выезда!

«Что я медлю! — подумал Сергей и, вздохнув до стона, — не скоро еще удасться теперь вздохнуть! — встал с седла».

Он давил на педали изо всех сил. Все двести километров до что-то есть берег. Но сейчас он ничего не оставал про запас. Даже то, что нужно для жизни. Даже если бы Сергей знал, что потом, после финиша, он упадет без чувств. Это бы его сейчас не остановило.

Машина Сергея выехала вперед. Но уже в первое мгновение рывка Сергей понял, что переосиленный свои силы и недооценил свою усталость. Рывок был не тот! Ногы были не те! В них была вода.

«Я рано начал».

Сергей уже поздно. Надо было продолжать начатое.

Ворота стадиона он проскочил первым, слегка ударившись о маты, в которые были укатаны рабы ворот.

Черно-красный гравий фантомом летел из-под колес. На первом Сергей увидел, что его обходит. Он попытается прибавить скорости. Но темп в головах разрыхляется от боли. Это было выше его сил. Он упал на седло.

«Ладно, и так хорошо!» Его обогнали. Выходя с последнего виража, он увидел перед собой группу спи. «Наверно, последний. Плавать». Белая черта финиша проскочила под его передним колесом. «Все!»

Он успел отступить только одну ногу и соскочил с машины. Кто-то проскочил еще после него, — значит, он не последний. «Отлично!»

Сергей шел на траву. Потом встал. «Еще подумаю, что я упал». Но в глазах дрожали черные пятна, и земля уходила из-под ног: ноги сводило.

«Нет, лучше, пожалуй, лечь».

Когда Сергей пришел в себя, он увидел перед собой медицинскую сестру в белом и рядом с ней Галю. Галя плакала и целовала его.

«Сергей встал. Кто-то осторожно потянул его за руку. Знакомое красивое лицо. Нина!»

— Ой, я, видно, плохая больщица. Я не узнала тебя. Галя кричит: «Сергей! Вон Сергей!» А я ничего не могу разобрать. — говорила она и несмело жала ему руку.

Сергей повернулся к Гале. Она улыбалась ему и плакала, не стесняясь. И тогда Сергей по-настоящему понял, что он свистит. Он знал только она одна знала, как тяжело досталась ему эта победа, как он хотел ее и сколько перестрадал, сколько перенес унижительных слов неверия от других, от самого себя и даже от нее. Свободной рукой он притянул ее к себе.

— Ну ты довольна!

— Ужасно! — сказала она и целовала его в грязную, измазанную кровью щеку.

Сергей вспомнил о Нине и посмотрел на нее. В ее глазах светилось нескрываемое восхищение.

Когда он добрался наконец до своего боржома и пил его, как мексиканец из горячих ванн, он оставался, до конца, — финишировала основная группа, или, вернее, то, что от нее осталось. Сергей увидел, как с машины слезали известные всей стране мастера. Лица у них были измученные, глаза ввалились. Он вспомнил, как самоуверенно они держались на старте, и как он боялся их.

«Вот он, наконец, настоящий успех!» — подумал Сергей. — Значит, у меня все-таки есть талант!»

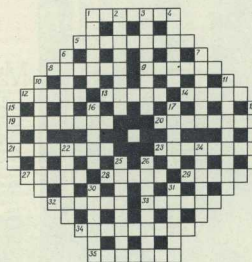
Он чувствовал себя удивительно легко и беззаботно. Ощущение было такое, словно он освободился от тяжелого груза, который носил на себе долгие годы. Он никогда еще в жизни не чувствовал себя так беззаботно.

Но затрубили динамики, и над стадионом поплыли слова диктора:

— Как показано проявление фотопленки, первое место и звание чемпиона Москвы. — Диктор растягивал слова, они звенели над приоткрытым стадионом. — ...а упорной борьбе завоевал молодой спортсмен. — Сергей замер, — обшесте «Локомотив» ...Игорь Фролов! Второе место ...

Дальше Сергей уже не слушал.

Подшли тренер и представитель из министерства. Оба улыбались.

По горизонтали:

1. Герой романа И. С. Тургенева «Отцы и дети».
2. Древняя рукопись, 8. Металлургическая печь, 8. Редкая вещь, 12. Город, где в начале Великой Отечественной войны героически сражался советский гарнизон, 13. Кинокартина, 14. Отглагольный причастие, применяемый при сооружении металлургических печей, 19. Персональные письма А. П. Чехова «Вышестий сад», 20. Прозаический новатор, Герой Социалистического Труда, 21. Советский авиаконструктор, изобретавший в области авиации атомного двигателя, 23. Автор картин «Лосиный остров в Сокольниках», 27. Строительный материал, 28. Советский детский писатель, 29. Наиболее деятельные члены общественной организации, орг а н и з а ц и я, 32. Лесная певчая птичка, 33. Советский писатель, лауреат Ленинской премии, 34. Соединение северного неба, 35. Боевой корабль.

По вертикали:

1. Рена в Италии, впадающая в Венецианский залив.
2. Советский военный участник героического боя в Ташкенте, 3. Порода тонкорунных овец, 4. Часть строения, 6. Поэма классика чувашской литературы К. В. Иванова, 7. Занем механика для переосиленного передка в машине, 10. Переносчик в отряде, 11. Автор Малого театра, народный артист СССР, 15. Горная страна на северо-западе Африки, 16. Владения в с я часть территории, 17. Знатный шахтер Донбасса, 18. Центр текстильной промышленности в Эстонии, 23. Основное лозунги армянской пролетарской литературы, 24. Руководитель высшего учебного заведения, 25. Ориентально-азиатская часть, 29. Роман Д. Ольдриши, 30. Собрание выборного руководящего органа, 31. Птица, обитающая в горах Южной Америки.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАННЫМ В № 17

По горизонтали:

1. Алдбросе, 8. Синтез, 9. Иматра, 12. Никит, 13. Кловч, 14. Ядлы, 17. Кобер, 18. Аргитина, 19. Сулпорт, 22. «Перепонки», 24. Ирис, 25. Вобла, 26. Орез, 29. Канду, 30. Натура, 31. Шахматы.

По вертикали:

2. Лето, 3. Бавалд, 4. Трибуна, 5. Овал, 6. Шинники, 7. «Врунзи», 10. Дикуссия, 11. Гирасполь, 15. Седла, 16. Сирпа, 20. Причя, 21. Тротуар, 22. Полонез, 23. Курпорт, 27. Ваза, 28. Этед.

— Они очень дружно работали! Просто замечательно! — объяснял тренер представителю. — Семин сделал рывок сразу, а Фролов сбавил у него в колесе.

Сергей с удивлением смотрел на тренера.

— Понимаете? Сопротивление воздуха! — продолжал объяснять тренер. — Он принял его на себя, вывел, притянул Фролова. Никто этого не ожидал, за Семиным не следили: разбился человек и вообще... Он, можно сказать, пожертвовал собой! Очень много Кудравцеву! Сергей заметил, как Кудравцев, увидев удивление, начал рассказывать, внимательно посмотрел на него. В глазах Кудравцева были вопрос и удивление: «Неужели это правда!»

— Очень умно сделал! — повторил тренер.

— Я сделал все, что мог, — сказал Сергей. Он хотел еще сказать, что это была не жертва, а ошибка, что он не знал, что Фролов сидит у него в колесе и что Фролов вообще пошел, и если бы он не упал и всерьез поел, он никогда не дал бы выиграть. Но ничего этого он не сказал. Не хватило духа. Стоял и смотрел, как фотографировали Фролова...

Потом Фролова начали качать.

— Эх, если бы еще немножко! Я видела, когда ты бросил, — едва слышно сказала Галя.

— Я больше не мог, — сказал Сергей.

Но в душе он уже не верил в это.

НА КОМЛЕК

Мы хотим побывать там, где проводит свой отдых молодежь вашего города. В Челябинском обкоме комсомола перед нами разложили карту. Она вся усылана флажками. Рядом с ними — названия спортивных лагерей и домов отдыха предприятий города: Челябинского тракторного, Турашского, «Металлург-строй». Всего более сорока. Какой же выбрать?

— Поезжайте в нашу уральскую Швейцарию — на Теренкуль — советует инструктор обкома. — Честное слово, не пожалейте.

О местах, куда ехать, прежде всего узнаешь от шоферов. Они влюбленные рассказчики, особенно если заходят речь о местах, излюбленных вдоль и поперек да к тому же и любимых. Мы были удивлены, когда на все расспросы о Теренкуле наш водитель Герман Потышев отвечал немногословно: — Теренкуль — по-башкирски — глубокое озеро. А что там за места, сами увидите.

Теренкуль открылся неожиданно. Сюдой облетел он в просветах деревьев. А через минуту мы увидели все его розовую от утреннего солнца и до неправдоподобия сплюснутую поверхность.

И мы поняли, почему наш шофер был так немногословен. Да, даже самый красноречивый рассказ не дал бы представления о Теренкуле.

Лагерь стоит среди заподвальных лесов на самом берегу озера. От ветров его защищает сопка. Даже в сильный ветер озеро оставалось зеркально-сплоиним. Коттеджи едва видны сквозь деревья. От домика по склону сопки бегут дорожки. Как ручейки, они стекаются к озеру.

Мой спутник, силовый и сравнительно, замечает, что за такие места миллионеры заплатили бы баснословные деньги.

А вы не ошиблись, — говорит Герман, — здесь и живут миллионеры — рабочие, инженеры, бульдозеристы, монтажники, сварщики, шоферы — ребята из треста

Тиньку вечерних сумерек нарушает лишь задушевные девичьи песни.

После физзарядки — водные процедуры — купание в реке.

— Спасибо за вкусный обед. — и этой благодарности токаря Алены Афанасьевой шофер-пару Александр Романович Полей присоединяются все отдыхающие на даче.

ПРИВАЛЫЙ ДАЧЕ

«Челюбметаллургстрой». Это собственный лагерь. Он построен по инициативе спортсменов. Трест дал деньги, а строили своими силами. Для себя строили. И место выбирали сами.

Мы спускаемся к берегу и выходим на пирс. Длинной тесовой дорожкой уходит он далеко в озеро. К нему привязаны десятки два лодок. Они кажутся впадинами в золотистую воду. Рядом в камышах всплескивает щука.

В тишину утра неожиданно врывается голос из репродуктора:

Подъём!
И вот уже к берегу бегут ребята и девушки. Они выстраиваются шеренгами на ровной площадке у ирommy воды. День лагеря начинается с утренней зарядки.

Дом отдыха. Мы привыкли, что сюда съезжаются люди с разных концов страны — незнакомые люди. Проходит несколько недель, они раздуются по домам и вряд ли уже встретятся нигде-нибудь.

Другое дело, когда отпуски организованы по принципу: «Вместе работать — вместе отдыхать». Именно так и завязано в «Челюбметаллургстрое». Строители, минералы в лагере, называют его «наша коллективная дача». Это действительно так. Лагерь на Теренуле напоминает огромную дачу одной очень большой, шумной трудовой семьи. Ведь здесь

проводят свой отпуск ребята и девушки с одного предприятия. Все знают друг друга. У всех общие интересы. В лагере господствуют традиции доброго и щедрого коллектива, существующего не первый день.

Вот почему, когда в годичии возвращаются из леса, они пригоршнями одаживают душистой малиной всех, кто встречается на пути. А рыболовы, которые готовят уху на печурке, специально на берегу специально для этой цели, рады угостить душистым вареном всякого, кто заглянет на огонек.

У медиков есть такое выражение: «Пульс хорошего наполнения». Именно это мы и заметили в жизни лагеря. В один день мы были свидетелями многих интересных событий, или, как говорят в таких случаях, «мероприятий». Волейбол, настольный теннис, соревнования по гребле, астава, шахматный турнир, туристский поход — все это события одного дня.

И все это называется на Теренуле «кримом отдыхом». Обычно лгуящее слово «режим» тут, в сущности, сводится к тому, чтобы каждый увез из лагеря самые хорошие воспоминания и чтобы в следующий отпуск он снова приехал на свою собственную коллективную дачу.

А. НИКОЛАЕВ

Фото Г. ТЕР-ОВАНЕСОВА.

Весело подбадривают болельщики своих товарищей, соревнующихся в гребле.

Вечер завершается танцами.

Туристы на привале у костра.

ереду мной лежит письмо. Одно из тысяч и тысяч, присылаемых в нашу страну из самых дальних стран и континентов. Это письмо и молодому конферте авантюра по часам отличалось от остальных. Но его содержание — пятнадцать страниц тонкой пишанской бумаги с какими-то цифрами и странными машинками — оказалось настолько примечательным, что о нем хочется рассказать подробнее.

В конверте почтовый штамп Соединенных Штатов Америки. Автор письма — Катрин Х., двадцатитрёхлетняя девушка из города Пиндципата, одного из крупнейших торгово-промышленных центров США. В отличие от миллионов других юношей и девушек из рабочих и фермерских семей, в которых тяжелей труд с детства часто не даёт возможности получить среднее образование, Катрин окончила университет. Ее родители принадлежат к довольно зажиточной категории людей, которых официальная статистика и пресса США обычно выдает за среднюю американцев. Отец Катрин торгует сельскохозяйственными машинами. Он имеет восьмикомнатный дом на окраине города, где есть телевизор, холодильник, стиральная машина и т. д. Высокие доходы отца позволяют ему довольно часто менять легковую автомашину, отдавая должное моде.

Оказалось бы, молодой девушке из подобной семьи можно ни о чем не думать, пользуясь привилегиями своего положения. Но Катрин устроилась на работу, тогда когда была на два года отца, стала еще больше читать. Она интересуется жизнью в других странах, особенно социалистических, сравнивает ее с «американским образом жизни». Все, что происходит в пределах моей страны, пишет Катрин, еще несколько лет назад было почти неизвестно рядовому американцу. Жизнь в Советском Союзе и странах народной демократии рисовалась прессой в самых мрачных тонах. Но затем последовал целый наскок событий, которые заставили задуматься многих американцев, а особенно перемены слою студенчества.

«Технически отсталая Россия заступила первые в мире искусственные спутники Земли», «Гусевская ракетка на Кипре» предостерегла миру обратную сторону Луны! — заголовок газет, сообщавшие о технических достижениях Советов, сразу выросли по много раз. Во столько же вырос интерес американцев к Советской России.

Первые космонавты, советские летчики Гагарин и Титов, продолжают Катрин, сделали для своей страны очень много, но они невольно создали в сознании американского народа. У миллионов американцев наступило прозрение. Если несколько лет назад «свобода и открытость» американского общества еще казалась идеалом, державшим дымную завесу вокруг американских читателей и замалчивавшей огромные успехи Советской России, строящей коммунизм, то теперь сорвана пелена на жизнь и качественно изменилась, которая создавалась и поддерживалась правящими кругами

США так много лет. Простые американцы и, что особенно показательно, студенты высших учебных заведений впервые начали размышлять и задумываться над вопросами политики.

Политический курс США перестал казаться рядовым американцам абсолютно правильным. Более того, у многих он стал вызывать подозрения, пишет Катрин.

Наша газета писала, что годовые раскаты бесами и шпрингерами, работают до позднего вечера и не имеют никаких-либо развлечений, что они не имеют ничего из искусства. И вот я вспоминаю длинные очереди, в которых стояли и день и ночь, чтобы купить билет на выступление ансамбля Моисевова. Моя подруга, которой посчастливилось послушать в Нью-Йорке оркестр под управлением Кодрингана, этого изумительного русского дирижера, рассказывала мне, как американская публика почти как аллилуйя вывела его стю. На глазах у многих были слезы.

Я сама видела одно из выступлений ансамбля «Береки». Это вершина танцевального мастерства. Всего этого мы не знали. Крестка советского искусства открыла многим из нас новые стороны советской культуры.

А наши спонсоры! Загорелые и женственные, скромные и привлекательные. Их увидевшая и полюбила еще в Сино-Валле, когда они стали победителями зимних Олимпийских игр. Победы наших легкоатлетов над сильнейшей в мире американской командой являлись еще большей сенсацией...

Стало ясно, что нас обманывали. И технические достижения и

заведений типа дансинга и кабарэ. Их разлагающее влияние на моих сверстников невозможно остановить, поскольку в стране, где господствуют законы прибыли, оправдывается все.

В области культуры господствует кучка финансовых хищников, которая старается как можно быстрее удовлетворить свой прожорливый аппетит, прикрываясь лозунгом «свободного предпринимательства». Тот же, кто пытается бороться с этим разрушительным влиянием, тотчас объявляется «врагом», подавляющим свободу общества». Хоэвза баров, ресторанов и кафе стараются не отстать от своих конкурентов, владеющих новыми «успешными» заведениями.

Во многих городах США, и особенно в наиболее крупных, в кафе и барах при гостиницах и в обычных ресторанах в разгар дня царит мрак. Подолки и стены этих помпезных заведений в черной цвет, окна задрюченными, а на столах горят лишь одинокая свечерновая свеча, которая едва освещает лица посетителей. И это происходит в то время, когда на улицах ярко светит солнце! Все это делается ради бизнеса, ради наживы. Но я не думаю, чтобы подобные «культуризм» разлагали и устранивали большую часть нашей молодежи. События последних лет заставляют более критически относиться ко всем атрибутам американской цивилизации и культуры. Наступила новая порочка ценностей, когда мои ровесники, особенно в высших учебных заведениях, все сильнее тянутся к правде, к пониманию истинного развития истории.

профессором левого направления на таких факультетах, как метеорологический, экономический и других гуманитарных факультетов.

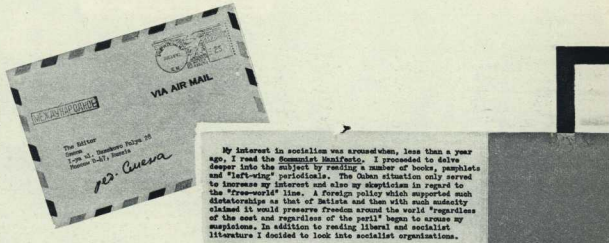
Эти события снова доказали, что в Соединенных Штатах «свобода мнения», «свобода слова» являются всего лишь красивыми словами, ибо, если вы начнете осуществлять эти свободы, атакам последуют со всех сторон. На нас указывают пальцами и начинают обвинять в том, что мы «коммунисты».

Любая организация, основанная в целях поддержки мира, в защиту гражданских свобод и так далее, обвиняется в том, что она находится «под влиянием коммунистов» или «подозревается коммунистами» и состоит из агитаторов и обманутых людей.

В настоящее время американский народ еще плохо сознает, что так называемые «коммунистические организации», которых неистово транзит, находятся среди наиболее активных людей, борющихся за восстановление самых священных конституционных прав.

Все это Катрин и ее товарищи по университету начали понимать, сказано в письме, в самые последние годы, после того, как великие победы страны социализма провалили верховную пролаборную «железную прессю» в США, а миллионы американцев стали очевидцами достижений социалистической культуры. Далее Катрин пишет о себе.

Мой интерес к социализму возник почти год назад, когда я прочитала «Коммунистический манифест». Затем я продолжала читать, стараясь проникнуть глубже в суть вопроса, прочитала не-

высокая культура Советского Союза, о которых не писали наши газеты, заставляла меня и моего из моих друзей и сверстников по-новому посмотреть на нашу культуру. Конечно, мы имеем довольно солидные симфонические оркестры, картинные галереи, литературу и так далее. Но, к несчастью, все это заглушается и затеняется посредством огромного числа увеселительных заведений, которые разлагают культуру нации и разлагают все ценное, что есть в ней. Это мощное влияние можно видеть в кинематографии Голливуда, в «музыкальном» роу-и-ролла, в телевизионных программах, и журнальной макулатуре, а также в целой системе ночных увеселительных

В колледжах и университетах по всей стране все больше проявляются новые перемены взгляды и свободный дух. Однако это прогрессивное движение среди студенческой молодежи подвергается непрерывным атакам со стороны крайне правых и наиболее реакционных элементов. Во многих студенческих городках ведется ожесточенная борьба между прогрессивными и консервативными студентами, которые в ряде случаев охватывает студенческую организацию. Со стороны наиболее консервативных элементов, которыми руководят фашистские факультеты, было брошено обвинение, что студенты университета подвергались «промыслам магогов» со стороны

сколько книг, брошюр, а также периодических изданий «левых» организаций. События на Кубе еще более усилили мой интерес к этой проблеме, а кроме того, увеличили мой скептицизм и отклонения жизни, проводимой «свободным миром». Подлинны, которые поддерживают диктатуру, подобные диктатуре Батисты на Кубе, а затем имеют наглость утверждать, что они будут охранять свободу по всем миру, несмотря на раскаты и угрозы, начинают вызывать у меня подозрения.

Катрин Х. все больше и больше начинает понимать, что все обманчиво, направленные на идеологической нечестью в адрес Советского государства, как бу-

меряет быт по самой капиталистической системе. Но пока еще, пишет Катрин, далеко не все американцы осознают это, потому что их жизненные интересы весьма ограничены. Делегаты от политики, или заинтересованным главным образом удовлетворением своих материальных потребностей. Они окутаны туманом самодовольства, и их почти не интересуют такие вопросы, как условия жизни людей за пределами США, а также их собственное положение и жизненные условия в недалеком будущем.

Чтобы лучше понять все это, увидать обстановку, в которой живет «средняя американка», пишет Катрин, давайте мысленно посетим его дом. Представьте себе, что вы оказались туристом в нашей стране и в настоящее время являетесь моим гостем. Некая «миссис Браун», которая живет рядом со мной в одном квартале, услышала о том, что вы находитесь у меня в гостях, и решила пригласить нас к себе на обед. Мы принимаем приглашение, вызванное скорее любопытством, чем гостеприимством.

Без четверти шесть мы подъезжаем к дому миссис Браун. У подъезда стоит сверкающая «шперле» последней модели. Мы проходим мимо, поднимаемся на крыльцо и звоним. Миссис Браун подходит к двери. Мы представляемся друг другу и несколько минут беседуем. Затем миссис Браун просит нас убраться в гостиную, пока она закончит последние приготовления к обеду.

Неожиданно вас оглушает страшный шум, выстрелы и вопли. Войдя в комнату, вы обнару-

живаете, что все это исходит от телевизора. Дюжоня, мальчик семи лет, и девочка Эми, десяти лет, дети миссис Браун, смотрят один из своих любимых фильмов из жизни американского Запада.

Дюжоня спрашивает: «Вы в самом деле русские?» Вы улыбаетесь и отвечаете ему, что вы действительно русские. Затем в разговор вступает Эми: «Так, скажите, вы коммунисты? — спрашивает она.

Это смущает меня, поскольку я просто не знаю, как бы лучше реагировать на подобный вопрос. Следует ли дальнейшее расспроса, но наконец миссис Браун входит в комнату и говорит детям, чтобы они перестали задавать так много глупых вопросов.

В это время телевизионная программа прерывается и начинается торговля рекламой, где восхваляются сигареты с фильтром, «который так улучшает вкус табака». Затем программа возобновляется вместе с ее шумом и выстрелами, но Дюжоня и Эми уже слишком заняты расспросами, чтобы смотреть телевизор. Мэри закончила свой телефон-

ный разговор и вступает в беседу с гостями. Она также очень интересуется жизнью в нашей стране, особенно много расспрашивает о жизни подростков. К этому времени возвращается и работает мистер Браун. Мы знакомимся, но обеде уже готов, и поэтому остается не так уж много времени для разговоров. Мы садимся за стол, чтобы отведать «хорошо сбалансированной» пищи, состоящей из куски мяса, картофельного пюре, салата, бататов, маринада, маслины, белого хлеба, чернильного хлеба, булочки, редиса, помидоров, сельдерея, спаржи, молока, кофе, яблочного пирога и домашнего печенья.

После обеда вы и мистер Бра-

ун направляетесь в гостиную, тогда как я остаюсь на кухне, чтобы помочь миссис Браун поместить посуду. Пока мы убираем посуду, миссис Браун говорит: «Но мне почему-то не верится, что он на самом деле коммунист. Он совсем не похож на него». Я несколько смущаюсь, когда она делает это замечание, и одновременно огорчаюсь тем, что людям прививают шаблонные взгляды на подобные вещи. Миссис Браун продолжает: «Он выглядит таким милым и дружелюбным». Тогда я говорю ей, что все это вовсе не странно, что представления, которые она имеет, были созданы предсудьями и что эти предсудьями являются результатом пропаганды, которая старается сделать так, чтобы все люди смотрели на коммунизм именно так, как смотрят она.

Посуда убрана и вымыта, и мы идём в гостиную, где вы и мистер Браун заняты обсуждением большевистской революции. Время проходит быстро, и скоро наступают час, когда мы должны уходить. Это был вечер образования. Семья Браунов узнала, что коммунизм, оказывается, совсем уж не такой плохой. Вы также узнаете, что американские дети любят смотреть ковбойские фильмы по телевизору, что молодые девушки любят Элвиса Пресли, «короля рок-ролла», танцы и кинатоки футбольных команд. Еще кое-что вы поняли из рекламных передач телевидения, когда вас информировали о «единственном сорте мыла, которое заставит вас почувствовать, что вы действительно чисты», о зубной щетке, которую рекомендуют каждые семь из десяти врачей, а также о шампуне для мытья волос, кото-

интересует одна вещь. Я поинтересовался, что именно, и вы ответили, что вам показались, будто миссис Браун была, поскольку вы заметили, как она приняла несколько таблеток во время обеда. Я объяснил вам, что это были так называемые «транквилайзеры», успокаивающие таблетки от нервного расстройства, вызванного военной истерией, и что очень много людей принимает их сейчас. Поэтому производство таких таблеток стало поистине процветающим бизнесом в Америке.

Через час ваш самолет должен улететь, и поэтому я еду с вами в аэропорт. Мы проводим несколько минут за чашкой кофе в кафе порта. Затем грамотоводители объявляют, что прибудет пассажира на самолет вальной линии. И в последний момент, когда вы поднимаетесь по ступеням посадочной лестницы, в моем мозгу мелькает мысль, что было бы очень хорошо, если бы я попытался произнести несколько слов, которые могли бы напомнить вам ваш родной язык. Я машу вам вслед рукой и кричу по-русски: «До свидания, товарищи!».

Это «короткое» письмо мне хотелось бы закончить несколькими словами о коммунизме, пишет Катрин. Я думаю, что он является мировой системой будущего. Больше того, я стою за коммунизм потому, что:

- 1) Объединение усилий людей могут осуществить прогресс с гораздо большим успехом, чем это способна сделать конкуренция.
- 2) Капитализм прививает людям извращенное представление о ценностях.

решают получить каждые две из трех голландских кинозвезд. Вдобавок к этому вы имели возможность быть выгнаны на один из наиболее «популярных» клубов для подростков. Он назывался «Искренним признанием» и включал рассказы над такими заголовками, как «Почему я бросила своего ребе-тала» «Она звала меня бродягой», «Моя сестра была проституткой» и тому подобное. Вам становится понятным, какие «вкусы» прививают американским школьникам.

Мы собираемся уходить, но дети просили вас заходить к ним еще, если вы снова приедете в Америку. После того, как мы попрощались и покинули дом Браунов, мы сообщили мне, что вас

3) Коммунизм дает большие надежды на социальную стабильность. Таковы выводы, к которым приходит американская девушка из «средней» семьи. И недаром. В Программе Коммунистической партии Советского Союза, которую изучает сейчас весь мир, о коммунизме сказано четко и ясно: «Коммунизм выполняет историческую миссию избавления всех людей от социального неравенства, от всех форм угнетения и эксплоатации. Ужасе войн и утверждая на земле Мир, Труд, Свободу, Равенство и Счастье всех народов».

О. КЛЕМЕНТЬЕВ

ЗАВОТЛЫВЫЙ УПРАВДОМ: ВОТ
ТЕПЕРЬ ВСЕ В ПОРЯДКЕ!

Рисунок В. Драглина.

ШУТКИ-МАЛЮТКИ

— Товарищ начальник станции, за-
чем расписание, если поезда его не
придерживают?
— А как бы вы без расписания
узнали, насколько опоздал поезд?

— Я не могу есть это блюдо! По-
зовите шеф-повара.
— Это совсем излишне, товарищ.
Он тоже не станет есть.

г. Москва.

ОБЩАЯ ЧЕРТА

— Глажу я на тебя и, что ни день, то
снова
Андрея вспоминаю Сапунова.
— У нас с ним, видно, общие черты!
— Всего одна: он был ленив, как ты!

УЕДИНЕННЫЙ УГОЛОК

— Что в клуб тебя тянет, никак не пойму!
— Да мне захотелось побыть одному.
г. Вугуруслаан.

г. ХМЕЛЕВСКИЙ

Рисунок П. Ткаченко.

Рисунок З. Гольдштейна (г. Минск).

Рисунок В. Тильмана.

РАЦИОНАЛИЗАТОР.

КЛУБ ЮБИТЕЛЕЙ ШУТКИ

МАСТЕРА ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ

«Тан как я хочу зарабатывать день-
ги честным путем, прошу принять ме-
ня на склад, чтобы закалить орга-
низм на преодолении соблазнов лег-
кого заработка».

(Из заявления в отдел кадров).

г. Воронеж.

А. ПЕТРИН

«Директор клуба предупредил меня,
что вечером могут быть эксцессы, а
вместо них пришло трое пьяных».

(Из донесения милиционера).

г. Львов.

г. Львов.

«...Это было полное слияние испол-
нителя с образом. Не верилось, что
на сцене артист, а не человек...»

(Из рецензии на спектакль).

В. ЛЕБЕДЕВ

пос. Венемичево,
Калужинской обл.

ХУДОЖНИК-МАТЕРИАЛИСТ.

Рисунок Ю. Грушина.

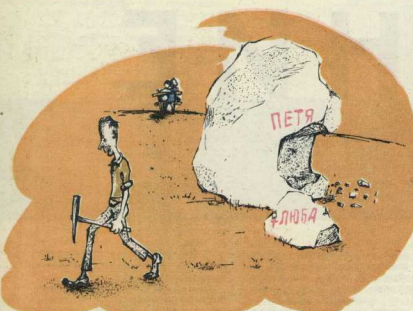

Рисунок А. Желудова.

ОТВЕЛП.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б-66, Спартаковская, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Коммутатор Е 1-70-20.

Для справок — доб. 2-42; отделы: литературы
и искусства — доб. 2-18; очерки и публицисти-
ка — доб. 3-52; международной печати —
доб. 8-21; физкультуры и спорта — доб. 3-44;
информации — Е 7-85-82; писем — доб. 3-53;
науки и техники — Е 7-65-82; сценарии в комна-
ту — доб. 4-79; оформления — Е 7-51-32.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редколлегия: Ю. Н. Верченко, Е. А. Дол-
матовский, С. В. Егоров [ответственным секре-
тарем], В. А. Кочетов, В. Л. Разумный [замес-
титель главного редактора], Е. И. Рабчиков,
А. А. Соскин, Б. И. Степанов.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор А. Стуков.

Оформление В. Соколова.
Технический редактор А. Шагарина.

А 00333.

Подписано и печатно 14/IX 1961 г.
Тираж 800 000 экз. Изд. № 1775.
Заявка № 2184. Формат бумаги 70x108/8.
2 б. л. — 5,48 п. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ИТОГИ
ЧЕТВЕРТОГО
ТУРА

«Попробуй, угадай» — так назывался четвертый тур нашей шахматной олимпиады. В этом туре приняли участие 800 человек. Жюри олимпиады оценило все присланные на четвертый тур ответы и определило 40 победителей — участников, которые набрали от 6 до 12 баллов из 20 возможных. Вот кто добился успеха на очередном этапе нашей олимпиады.

С. Балтау (колхоз «Красный дождь», Ключевского района, Актыбінской области), Г. Генрик (Кировский совхоз, Целинского края), И. Коткин (Петропавловск-Камчатский), Л. Петрова (г. Ленинград), И. Шмадун, В. Колосев, В. Пекин и Л. Бондарева (все четверо — шахта 30/10 «Куржаниха» Селидово-

го района, Сталинской области) — по 12 баллов;
А. Коновалов (г. Варнаул), Г. Микванадзе (с. Рокки, Магистского района, Грузинской ССР), Ю. Фадоров (п. Талдан, Амурской области) и А. Цветков (г. Опочец, Ивановской области) — по 11 баллов;
Г. Мураев (д. В. Ворок, Каменского района, Калининской области), В. Ислюченко (г. Тагилстрой) — по 10 баллов;

В. Горбунов (г. Брест), А. Григорин (г. Кабан, Армянской ССР), В. Гурвич (г. Ленинград), А. Потехин (г. Череповец, Вологодской области), В. Чернин (г. Витебск) и А. Шелютинник (г. Романово, Тернопольской области) — по 8 баллов;

Я. Бендуцкий (п. Рубай, Вальдского района, Латвийской ССР),

А. Нарсаев (г. Севастополь), А. Конопля (г. Тамбов), И. Кравец (г. Середский, Калужской области) и С. Мещков (г. Долгопрудный) — по 6 баллов;

В. Антонов (г. Вышний Волочок), А. Москалевич и Ю. Тактаев (г. Шлины, Рязанской области) и Б. Шугов (п. Берёзки, Талдомского района, Московской области) — по 7 баллов;

Г. Загорин и А. Михайлов (г. Ленинград), В. Купринов (п. Казары, Ташкентской области), В. Новиков (г. Саратов), В. Пустовалов (п. Протка, Калужской области), А. и П. Пучикин (г. Раменское), И. Сиверцев (г. Алма-Ата), В. Цветков (Ленинград), К. Премченко (г. Львов), А. Ярусин (г. Йошкар-Ола) — по 6 баллов.

В ВОДНОМ ЦАРСТВЕ

В причудливых подводных гротах севернорусских стрелками мелькают стайки рыб. Наторопливо всплывают денные водоросли. Брызго-прозрачные струи воды, кажется, сами источают какой-то необычный, неземной свет.

Все это можно увидеть каждый. Стоит только захотеть, и вы, как бывший гусар Садно, побываєте в сезонном подводном царстве. Для этого нужно несомненно тренировка с ластами, мажор, дыхательной трубой и немного отваги. Немало интересного можно увидеть в морской глубине. Ери, например, ничего не боятся. Моментально схватят добычу, на камне ложится на дно и подпускает к себе почти вплотную. Морской омуль, один из распространенных по окрестам рыб, наоборот, слесит иначе спасти панический бегством. Однако нередко он тут же возвращается любопытство побуждает страх.

Зеленула, пестро раскрашенная рыбка, с голубым хвостом и двумя рядами черных пятен на зеленоватом теле, уплывай, так уверительно отодвигается назад, что иногда невозможно удержаться от смеха, и приходится вслушаться, чтобы не задохнуться. Спрятавшись затем среди камней или водорослей, зеленула то и дело высматривает оттуда, с любопытством наблюдая за всеми вашими движениями.

Иногда вы можете стать свидетелем разгромившейся баталии — внезапного нападения крупной лаванды на проплывающих мимо рыб. Темной стремительной толпой метнется она из глубины, выискивая добычу, переполох и заметавшусь стаюк. Аичный ишник даже не подолживает схватившую рыбку, на верту кружится острима, зубами только одну голову и устремляется за новой добычей.

Спортивному подводнику надо многое освоить. Он должен четко координировать движения, уметь стрелять и фотографировать в любом положении, даже если головой обнимает каминные завалы и подводные гроты, куда заявила его волнующая полова за рыбой, за редкими фото, или минюардами.

Помылять под водой. Не понадеяте. Ведь столько волнующих минут подарит вам сезонный подводный мир!

И. ТОЛЮНИНОВ
Фото Ю. ТРАНКИВИЦКОГО.

